

A close-up photograph of two women wearing highly detailed and ornate masquerade masks. The masks are primarily white and gold, with intricate scrollwork and patterns. The woman on the left has her eyes closed and is wearing a red flower in her hair. The woman on the right has her eyes open and is looking towards the other woman. They are positioned as if about to kiss or are in the middle of a kiss. The background is dark and out of focus.

Виктория Старкина

**Калина
Интернешнл**

Виктория Старкина Калина Интернешнл

<https://litres.ru/53929974>

SelfPub; 2026

ISBN 978-5-532-03724-3

Аннотация

Когда бедная учительница-эмигрантка Кристина Серова стала женой испанского графа, миллиардера Антонио Манрике, в прессе ее окрестили Золушкой. Девушка мечтала не о деньгах, а лишь о любви и семейном счастье.

Но внезапная болезнь уносит жизнь Антонио и Кристина остается одна среди врагов: семья Антонио пытается избавиться от молодой графини любой ценой.

Чтобы выполнить последнюю волю любимого мужа, Золушке придется сменить бальное платье на доспехи.

Параллельно идет повествование о странной игре, где люди в масках играют "на выбывание". Выбывающие в игре - умирают в реальной жизни. Как связаны герои книги и персонажи этой игры, и за кем в следующий раз придет Газир - ангел с темными крыльями?

Магический реализм. Действие происходит в современной Испании.

В книге есть: бизнес, мистика, древние предания, настоящая любовь, верность клятве, жизнь современной Европы и

светского общества, интриги и зависть, покушения на убийство, становление сильной героини.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Мезальянс	8
Глава 2. Алоиза	27
Глава 3. Заветная мечта	33
Глава 4. Завещание	49
Глава 5. Письмо.	67
Глава 6. Большие перемены	83
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЖЕЛЕЗНАЯ КРИС	99
Глава 1. Затонувший корабль	99
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Виктория Старкина Калина Интернешнл

Bigger than life

ЧАСТЬ

ПЕРВАЯ

.

КРИСТИНА

Предисловие

Очень часто я получаю вопросы от тех, кто прочитал книгу: читатели спрашивали о ее смысле, и я поняла, что лучше написать несколько пояснительных слов здесь, чтобы дальнейший текст не обманывал ваши ожидания.

Итак:

- в книге нет параллельных миров, других пространств, мистики,

- как нет и тайны, детективной загадки, которую читателям предстоит разгадать. Но есть интересный сюжет, счастливая любовь, современная Золушка, города будущего и очень узнаваемые и атмосферные описания испанских городов (какое-то время я жила в Испании).

Но есть символизм: под "игрой" здесь понимается наша жизнь. Верю в то, что все мы находимся до рождения где-то, но когда приходим в мир - забываем, где мы были прежде, как не помним, зачем пришли сюда. Мы не помним тех, кого знали раньше, и лишь случайно узнаем их лица под новыми масками. И я верю: мы все знаем, что правильно, а что нет, что хорошо, а что плохо - до рождения. Но когда оказываемся здесь, соблазны этого мира обрушиваются на нас и мы забываем том, что знали. От нас требуется так мало - лишь следовать простым правилам и не нарушать простые законы.

И даже этого мы не в состоянии исполнить.

"Калина Интернешнл" книга для тех, кто любит прочитать и подумать над прочитанным, здесь не все так просто. Из серии: "Прочитал, ничего не понял, вернулся назад, разобрался, понял!"

Удачи вам в этом, дорогие читатели!

Глава 1. Мезальянс

Женившись на Кристине Серовой, граф Антонио Манрике де Алькасар де Луа дель Корто-Реал, человек неглупый, почтенный и всеми уважаемый, совершил мезальянс. Этот неожиданный союз буквально взорвал все светские хроники Европы и вызвал настоящий переполох в семье самого графа. Со дня свадьбы прошел почти год, но интерес репортеров, богачей, да и простых испанцев к жизни новоиспеченных супругов не только не утихал, напротив, становился все более неумемным. Газеты и журналы пестрели фотографиями, сделанными на официальных приемах, церемониях и просто на улице, возле дома, в ресторане, на курорте, в церкви, – в общем, везде, где расторопным фотографам удавалось подловить супружескую чету. Вот Кристина в черной шляпе и черном же элегантном платье ведет под уздцы великолепного гнедого скакуна. Вот она стоит в главной зале особняка Манрике, окруженная портретами предков мужа в золоченых тяжелых рамах, и сама она в красивом вечернем наряде со шлейфом, под стать ослепительным гранд-даммам на полотнах. Вот они стоят в обнимку с мужем, голова к голове, на черно-белой фотографии, сделанной в холле роскошного отеля в Марбелье. А вот они пришли на ип-

подром, на концерт, на весенний бал – и всюду вместе, всюду выглядят счастливыми, влюбленными, а Кристина еще и чуть лукавой, беззаботной, юной и восторженной. В год свадьбы в ней было столько жизни и веселья, сколько не было никогда прежде, и не будет после. Ведь этот год был особенным для нее. Поэтому столь сильное любопытство вызывал не почтенный супруг, а именно молодая графиня, чей стремительный взлет потряс публику не меньше, чем вероятно некогда в сказочном королевстве впечатлила подданных история женитьбы принца на бедной сироте Золушке. Но для того, чтобы было ясно, в чем именно состоял мезальянс – позвольте рассказать, кем был Антонио Манрике де Алькасар и кем была его молодая супруга.

Антонио Манрике де Алькасар де Луа дель Корто-Реал, испанский гранд, наследник древнейшей фамилии, аристократ, в чьих жилах текла кровь королей Наварры, был мужчиной весьма солидного возраста: в сентябре ему минуло пятьдесят семь. Невысокий, с посеребренными сединой некогда черными как смоль, волосами, широкими бровями, высоким лбом и орлиным носом, он мог быть, если представить его в латах, конкистадором с древней гравюры, Эрнандо Кортесом, завоевателем Мексики. Спокойный, рассудительный, прекрасно образованный, с тихим голосом, но отчетливой речью, он разительно отличался от своих шумных и темпераментных соотечественников. Любил рассуждать о политике и истории, о социальных проблемах и экономическом

кризисе, отличался здравомыслием и железной логикой во всем, что касалось как обычной жизни, так и работы, которой он уделял неизменно много времени.

Кроме того Антонио Манрике был богат. Семейное достояние, идущее еще с феодальных времен, полученное в качестве вознаграждения за участие в военных походах и морских завоеваниях, его семья многократно преумножила, значительно преуспев в бизнесе. Его дед, Эухенио Манрике, основал несколько химических предприятий, которые использовали новые в те времена технологии, а после обзавелся сельскохозяйственными угодьями и месторождениями цинка и свинца в Андалусии. Собственно, в основном именно цинку и свинцу, а также производству бытовой химии, семья Манрике и была обязана своим теперешним грандиозным состоянием. После смерти первой жены, страдавшей тяжелой формой лейкоза, граф долго оставался одним из самых желанных холостяков страны, после наследного принца Астурийского, разумеется. Кстати, даже их свадебные церемонии состоялись почти одновременно – Антонио пришлось перенести свадьбу на сентябрь, чтобы уступить пальму первенства будущему королю. И едва отшумели сплетни, порожденные королевским бракосочетанием – ведь невеста принца, донья Летисия Ортис, не была особой королевских кровей и их историю восприняли, как некое новое явление демократии, но одновременно, и как дань романтической влюбленности, – и тут граф Манрике подкинул новый

повод для кухонных обсуждений, да еще какой!

Графиня Роза, его первая супруга, умерла, не оставив Антонио детей, и потому многочисленные родственники нередко призывали холостяка повторно связать себя узами брака и родить, наконец, наследников. Но даже чадолюбивые старушки Манрике де Альксар, вытиравшие в присутствии Антонио крокодильи слезы и жалевшие несчастного бездетного вдовца, не могли ни предположить, ни пожелать того, что случилось в итоге.

Кристине Серовой едва исполнилось двадцать три, и она была более чем на четверть века младше своего супруга. Девушка родилась в Саратове, в семье строителя и учительницы, а когда ей минуло двенадцать, родители перебрались в Испанию. Сначала отец уехал по рабочему контракту, семья последовала за ним. Планировали через два-три года возвратиться в родное Поволжье, а потом привыкли, выучили язык. Кристина к тому времени уже училась в испанской школе, но продолжала дома с матерью заниматься по российской программе: мать была недовольна уровнем образования в школах Барселоны. Через несколько лет девушка, прекрасно сдав экзамены, поступила в университет, а после выпуска снова отправилась в школу. На этот раз в качестве учителя математики. Скромная учительница-эмигрантка, сутулившаяся, краснеющая и заикающаяся каждый раз, когда ей предстояло заговорить даже со старшими коллегами, живущая с матерью и отцом в крошечной квартирке на окраине

города, там, где селились бедняки, как, чем могла она заинтересовать столь завидного жениха? Разве что, своей молодостью?

Отчасти это так и было. Антонио привлекла удивительная звонкая юность девушки, а еще ее стройная фигурка, огромные синие глаза, необыкновенная лучистая улыбка – Кристина улыбалась редко, но когда улыбалась, казалось, что из-за туч выглядывало жаркое южное солнце, – и конечно, ее волосы – длинные, темно-рыжие. Волосы Кристины были весьма необычны: чаще всего обладатели огненной шевелюры отличаются еще и курчавостью, их волосы легкие, шелковистые и закручиваются в спиральки и локоны, что генетически обусловлено строением волосяной луковицы. Однако у Кристины волосы были тяжелыми и плотными, как у азиатских девушек, но, тем не менее, обладали удивительно редким оттенком, – так вспыхивает медь, когда на нее падают лучи света.

Что могли подумать люди, увидевшие фото молодоженов Манрике де Алькасар в журналах и выпусках светской хроники? Что думали родственники Антонио, и особенно его воинствующая тетка, донья Лурдес, возненавидевшая Кристину с первой секунды? Разумеется, ситуация была ясна им – как на ладони. Есть мужчина. Уже немолодой, но мечтающий вернуть свою юность или хотя бы отсрочить старость, стремящийся найти что-то, что дало бы новый импульс угасающей страстности его натуры, богатый и уверенный в се-

бе. И есть девушка – юная и привлекательная, честолюбивая, мечтающая о красивой жизни. О принце и стремительном взлете Золушки. Они встретились в самый неподходящий момент, когда бес ловко ткнул графа кулачком в ребро, а Кристина, измученная трудностями эмигрантской жизни, решила продать свою молодость, обменяв ее на звонкую монету и возможность войти в высшее общество, обретя заманчивый титул графини. И потому, если донью Летисию в Испании приняли на ура в качестве прекрасной принцессы и королевы, то Кристину Серову восприняли «в штыки», она не вызывала ни симпатии, ни восхищения, только всеобщий интерес, да сквозившую в неприязненных колких взглядах зависть, ведь общество не любит корыстных, лицемерных и лживых. Этому немало способствовали и высказывания самого семейства Манрике, оказавшегося неготовым принять Кристину с распростертыми объятиями.

Таким было всеобщее мнение, и оно было столь логичным, столь вписывающимся в наше представление о мире, что его мгновенно подхватили и растиражировали журналисты, передавали из уст в уста на светских раутах, и никто ни разу не поставил под сомнение его истинность. Этому не требовалось: не было ничего, что заставило бы задуматься о возможности иного толкования событий, а значит – история получилась гладкой и четкой, – не придерешься.

И, тем не менее, от первого и до последнего слова, это представление было ошибочным. Сколько выводов сделано

на таких идеально-логичных построениях, сколько огульных приговоров вынесено, сколько навешено ярлыков! В действительности же все было куда проще. Антонио Манрике, и правда, был очарован юностью и красотой девушки, однако не эта причина заставила его надеть на тоненький пальчик Кристины заветное золотое кольцо. О том, какой же была истинная причина, побудившая его вновь полюбить, еще не раз будет сказано на страницах этого повествования.

Что же касается самой Кристины, то она, случайно столкнувшись с графом Манрике на музыкальном фестивале, куда пришла с подругами, сначала была удивлена его вниманием и необычной аристократической манерой держаться. Ей казалось забавным, даже нелепым, что этот солидный мужчина заинтересовался ею, что разговаривает с ней, молоденькой девчонкой, на равных, а когда смотрит на нее, в его в глазах вспыхивает что-то похожее на восхищение и нежность, как если бы перед ним стояла его внезапно повзрослевшая дочь. После, узнав графа ближе, Кристина оценила благородство его натуры, помыслов и устремлений, широкий кругозор, заботу и доброе отношение. А через некоторое время и вовсе поняла, что не представляет жизни без этого уже немолодого мужчины и полюбила его так искренне и глубоко, как способно любить только очень юное сердце, не ведающее пока иных страстей и желаний. Антонио Манрике стал ее первой любовью и, как надеялась сама Кристина, последней.

Дальше последовало обручение, знакомство с семьей,

злые взгляды доньи Лурдес и синьоры Вельды, матери Антонио, – отец его умер много лет назад, а многочисленные кузены и кузины, мечтавшие поближе подобраться к состоянию графа, никак не могли входить в число поклонников Кристины. Девушка прекрасно понимала, что союзников в семье Марнике де Алькасар у нее нет.

Разве что Джайса. Джайса Альварес де Корте-Реал. Дочь доньи Лурдес. Она была непохожа на всех остальных. Джайса появлялась в особняке Манрике нечасто. Она жила в просторной квартире в центре Барселоны, кроме того много путешествовала и вела очень активную жизнь, пожалуй, даже слишком, поэтому времени на близкое знакомство с новой родственницей у нее обычно не хватало.

И вот как раз сейчас, повернув за угол в бесконечном коридоре дома Манрике, Кристина увидела Джайсу, которая наконец-то остановилась у них погостить. Всего на пару дней, не больше, и скорее всего руководствовалась не желанием увидеть родственников, а каким-то своим личным, только ей известным интересом. В белом воздушном платье она сидела на подоконнике, элегантно вытянув длинную ногу. Девушка была младше ее на два года, кроме того, она была удивительно хороша собой – зеленоглазая блондинка, что редкость для Испании, с гладкой алебастровой кожей, удивительными пропорциями, миниатюрной хрупкостью и грацией достойной балерины лучшего театра. Неудивительно, что уже несколько лет она считалась одной из самых перспектив-

ных фотомоделей Европы. Если уж откровенно, Джайса давно сделала бы успешную карьеру и украсила собой обложки модных журналов по всему миру, но негативное мнение матери о модельном бизнесе, как о занятии недостойном аристократки, останавливало девушку. Донья Лурдес обладала авторитарным характером и действовала на любого собеседника, словно удав на кролика. А уж Кристина и вовсе лишалась дара речи, стоило ей лишь только увидеть, пусть изда- лека, тетку своего мужа.

– Привет, – Джайса помахала ей рукой. – Иди сюда!

– Привет, – Кристина осторожно приблизилась и улыбну- лась. – Почему ты сидишь на подоконнике?

– А что нельзя? Ты мне запретишь? – Джайса лукаво взглянула на нее своими огромными зелеными глазами, об- рамленными густыми ресницами, искусственными, разуме- ется. – Ты ведь теперь хозяйка в этом доме!

– Да брось, какая из меня хозяйка! – Кристина махнула рукой и покраснела, – Конечно, сиди, где угодно. Просто, мне показалось это немного странным. Обычно тут никто не сидит.

– Я люблю сидеть на подоконнике. Но ты права. Я стран- ная. Так считают все.

Кристина промолчала, она не знала, что следует ответить, услышав подобное признание, тем более, что кузина ее му- жа и правда была несколько своеобразной и отличалась в высшей степени эксцентричным поведением, а Джайса вдруг

вскинула на нее свои веселые зеленые глаза, всегда сияющие восторгом, и произнесла:

– Знаешь, я подумала, что мы могли бы с тобой стать подругами! Смотри, – она принялась загибать изящные тонкие пальцы, унизанные тяжелыми кольцами, – Мы примерно одного возраста. Это раз. Нам всегда есть о чем поговорить. Это два. Ты – единственная, кто поддержал мое желание быть моделью. А я – ваш брак с Антонио. Это три. Кроме того, мы обе – жертвы общественного мнения. Меня все считают дурочкой, а тебя – хитрой стервой. Это четыре. Разве не повод стать подругами?

– Во-первых, я не считаю тебя дурочкой, – протестующее начала Кристина, но Джайса перебила ее.

– Брось! Ты первая же и должна считать! Ты умнее их всех вместе взятых. Умнее всех в этом доме! Ты же преподавала математику, а я даже в младших классах не могла решить ни одной задачки! Да что там, сама знаю, что я, и правда, дурочка. Ну и что в этом такого? Всем что ли быть умными! Зато я красавица. К тому же, я ведь тоже не считаю тебя хитрой стервой. Ну, если только немного хитроватой... и стервоватой...

– Но... я вовсе не хитровата. И совсем не стерва, – растерянно покачала головой Кристина.

– Ты просто пока себя не знаешь! Ну! – Джайса протянула ей руку. – Так что насчет дружбы?

Кристина улыбнулась и сжала протянутую руку девушки.

Ей так нужна была подруга, хоть один человек, кому можно если не довериться, то хотя бы перекинуться словом в этом доме! Она бы мечтала перевезти сюда маму, но той будет слишком тяжело в этой атмосфере всеобщей ненависти, где воздух словно пропитан ядом... она сама не осталась бы здесь ни одного дня, если бы ни муж!

Кристина вздохнула.

– Ладно, Антонио вернулся, ждет меня в комнате. Уже поздно. Я пойду.

– Отличного вечера, – с готовностью кивнула Джайса. Когда та уже скрылась за поворотом, она снова окликнула, – Кристина! Эй!

Кристина вернулась и высунулась из-за угла.

– Отвечая на твой вопрос – почему я сижу на подоконнике. Потому что жду Франси. Он сегодня должен петь серенаду. Он немного провинился, приударил за Марией Конте. Не знаю, как далеко у них зашло. Но теперь посылает мне цветы, поет серенады и приглашает на романтические свидания. Потом идем ужинать!

– Надеюсь, серенада и ужин понравятся тебе! – Кристина подмигнула новой подруге. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи! – безмятежно откликнулась Джайса, грациозно повернулась и принялась вглядываться в темноту ночи, благоухающей пьянящим ароматом цветущих апельсиновых деревьев, в надежде разглядеть силуэт своего поклонника. Франси, сын богатого бизнесмена, владельца сети

модных домов не так уж сильно интересовал ее, но Джайса относилась к своим многочисленным поклонникам с болезненностью коллекционера и не согласилась бы отпустить ни одного. Ведь у нее было много свободного времени и совсем никаких целей, поэтому коллекционирование влюбленных мужчин и их подарков отлично заполняло пустоту в жизни богатой красавицы.

Разве такой была жизнь эмигрантов, тех, кто переехал в Европу, пытаясь сбежать от бедности и безысходности, надеясь обрести лучшую жизнь! Надежды сбылись не у всех, мало кто сумел найти себя в новой среде: хорошенькие женщины подыскивали немолодых, неприметных мужей, лишь бы удержаться в стране, лишь бы получить заветное гражданство. Кто-то так и не справился с изучением языка и был вынужден трудиться на самых тяжелых работах: на стройках, в рыбных магазинах, стоя по колено в отрезанных хвостах и чешуе с раннего утра до поздней ночи, на апельсиновых и миндальных плантациях, на винодельнях и маслодельнях. Уборка чужих домов уже считалась престижной работой среди эмигрантов, потому что требовала хотя бы примитивного знания испанского, и довольно скоро такой работой смогла похвастаться Татьяна Серова, мать Кристины. Она убирала по два-три дома в день, что позволяло хоть немного сводить концы с концами, в то время как отец почти сутками трудился на стройках.

Они ютились в крошечной квартирке-студии, Кристи-

на спала на балконе, куда ей установили кровать, а через несколько лет, когда девочка подросла, отец смастерил загородку между балконом и остальной комнатой, подарив таким образом дочери намек на уединенность. Однако ее письменный стол стоял в общей комнате, поэтому Кристина всегда очень торопилась закончить уроки побыстрее, до прихода родителей, что делало почти невозможными для нее игры с другими детьми, если только в школе и в выходные.

Семье Серовых еще повезло: у них была всего одна дочь. Но многочисленные соседи: русские, украинцы, молдаване и румыны, те, у кого было двое, трое детей, жили в сходных условиях, спали в одной комнате, делали уроки по очереди, ведь стол бы один, и старались проводить как можно меньше времени дома – просто потому что не помещались там.

А совсем рядом находились апартаменты, где жили беженцы из африканских стран, пакистанцы, арабы и многочисленные марокканцы. Их квартиры отличались шумностью, большим количеством проживающих, громкими играми детей, а еще горами мусора, которые не успевали выметать уборщики, раз в неделю избавлявшие квартал от накопившейся грязи и отходов. Многие к тому же держали домашних животных, с ними гуляли здесь же, во дворах и на улицах, – до ближайших парков было далеко, – поэтому ходить по мостовым требовалось осторожно, чтобы не угодить ногой в нечистоты.

Кристина с детства приучила себя к осторожности и не

только там, где требовалось смотреть под ноги, но и там, где требовалось смотреть вокруг. Она сторонилась марокканских подростков, с явным недобрым интересом поглядывающих на белокожую рыжеволосую девочку, приучила себя возвращаться домой засветло, избегала пустырей и темных проулков, где водили дружбу эти компании, опускала глаза, когда случалось пройти мимо, старалась не носить открытую одежду. Эту привычку носить строгую, закрытую одежду она сохранила на всю жизнь, тем более удивительно, что в таком образе, приставшем скорее выпускнице монастырской школы, а не юной красавице, девушка привлекла внимание графа. Видимо, он был уже в том возрасте, когда можешь видеть не только сквозь одежду, но и сквозь кожу, сквозь ткани тела, проникая взглядом в те сокровенные уголки, где прячется от посторонних пугливая субстанция, именуемая душой.

Со временем подростки привыкли к Кристине, не трогали ее, зная, что она – соседка, принадлежит к тому же миру, миру отверженных бедняков, которым непросто устроиться на чужбине. Несколько раз она отклонила приглашения на вечеринки и дискотеки, после чего марокканцы прониклись к ней уважением и перестали обращать внимание, переключившись на более открытых к общению девушек, в основном румынок, подрабатывающих по вечерам в барах, стриптиз-клубах, а зачастую и просто стоящих на улице, в ожидании очередного клиента.

Когда Кристина поступила в университет, она пересели-

лась в небольшую комнатку в кампусе, которую делила с двумя другими девушками, а после, уже устроившись в школу, сняла скромную студию в том же доме, где жили родители, просто чтобы чувствовать себя чуть более свободно и не мешать отцу с матерью жить своей жизнью. Кроме того, ей нужно было пространство, чтобы разложить книги и учебники, чтобы, сидя вечерами, проверять работы своих учеников, а также тишина, чтобы продумывать учебный план, разрабатывать программу, ей так хотелось объяснить ученикам, что математика – не просто скучная и трудная наука, не просто игра с цифрами, последовательность бессмысленных значков, но некое сочетание формул, позволяющих понять и описать законы, по которым устроена Вселенная. В мире нет ничего, что нельзя передать числом. Все, что познается – имеет число, так говорил еще Пифагор. Нет формы, которую нельзя объяснить геометрией, нет гармонии, которую нельзя свести к золотому сечению, нет события, под которое нельзя подвести теорию вероятности, нет истории, которую нельзя измерить статистикой. Все они – грани алмаза, именуемого математикой, и именно это хотела рассказать Кристина своим ученикам.

– Учитесь хорошо, – говорила она. – Не потому, что это позволит вам поступить в университет и сделать карьеру. Я знаю тех, кто сделал отличную карьеру, но учился пре-скверно. Не потому, что хорошие оценки в школе дадут вам шанс заработать много денег – нет, совершенно необязатель-

но. Многие миллионеры не заканчивали школ. Не для того, чтобы стать великими учеными или деятелями культуры, ведь, как мы знаем, даже Эйнштейн был изгнан из школы. Не для того, чтобы заполнить голову знаниями, которые никогда вам не пригодятся. Не для того, чтобы воспитать хороших детей – потому что часто из хорошо воспитанных детей получаются мерзавцы и преступники. Учитесь, потому что учеба позволяет сформировать внутри каждого человека стержень, каркас, поддерживающий его на плаву. Этот стержень не поможет вам стать богатыми или знаменитыми. Но поможет выдержать, если вдруг, волею случая, вы потеряете богатство и славу. Поможет не заблудиться и не потеряться в жизни. С ним вы не обязательно достигнете вершины, но уж точно – не пропадете. Вы сможете выдержать и пройти свой путь до конца, любой путь, какой будет вам уготован, даже самый сложный из всех. Учитесь хорошо ради этого.

Кристина немного успела вложить в головы своих учеников. Она не отработала и года, когда Луиса, одна из тех девушек, с которой они жили в кампусе, уговорила ее в период летних каникул отправиться на музыкальный фестиваль, проходивший в Жироне, неподалеку от Барселоны. Кристина, вопреки обыкновению, согласилась. В основном потому что любила музыку и соскучилась по своей подруге – девушки давно не виделись. Именно на этом фестивале, согретом лучами заходящего летнего солнца, по-особенному освещавшему волосы Кристины, она и познакоми-

лась с Антонио. Случайно оказавшийся на фестивале граф, привезенный сюда друзьями-меломанами, скучал, оглядывался по сторонам, а потом взгляд его задержался на огненных вспышках, появлявшихся на прикрытых шляпкой волосах незнакомой девушки, едва только на них падали солнечные лучи. Эти вспышки почему-то попадали в такт музыке, вероятно, потому что девушка ритмично пританцовывала, но Антонио это позабавило, казалось, что волосы, подобно странному дополнительному эффекту, вносили свой вклад в световую симфонию фестиваля. Почувствовав его взгляд, девушка обернулась, их глаза впервые встретились, она смутилась и отвернулась. А граф Манрике вздрогнул от неожиданности. Эта девушка ничем не напоминала Розу, его первую жену, но почему-то он увидел между ними странное, несуществующее сходство, и уже тогда знал, что попробует хотя бы заговорить с незнакомкой.

Так, довольно скоро, Кристина стала графиней, оставила школу и поселилась в том особняке, где только что болтала с сидевшей на подоконнике Джайсой и который теперь стал ее новым домом, пусть лишенным уюта и теплоты.

Войдя в свою комнату, Кристина застала мужа уже в пижаме – он вышел из ванной с полотенцем на шее, потом небрежно бросил его на подголовник кровати, присел на край и посмотрел на жену.

– Ты выглядишь уставшим, – с беспокойством сказала она, подошла ближе и положила руки ему на плечи. – Все в

порядке?

– День был тяжелым, – он поднял к ней лицо и ласково улыбнулся. – Я действительно немного устал.

Кристина поцеловала мужа в лоб, он крепко сжал ее талию, потом она осторожно освободилась, направилась в ванную, приняла душ и вышла, одетая в длинную тонкую ночную сорочку, заплетя волосы в перекинутую через плечо растрепанную косу. Антонио к тому времени уже погасил свет, оставив включенным лишь прикроватный ночник, он не любил спать в полной темноте, и Кристине пришлось к этому привыкнуть.

– Я боюсь, – сказала она мужу, опускаясь на кровать.

– Чего? Игры?

Кристина молча кивнула, откинула одеяло и вытянулась на белой шелковистой простыне. Антонио положил руку ей под голову и повернул к себе.

– Не бойся. Помни, это всего лишь игра. Выиграть в ней нельзя, понять ее тоже. Просто сразу прими это.

– Зачем же вы играете, если нельзя выиграть?

– Так заведено много лет. Не только в моей семье. Все так называемое высшее общество играет в эту игру. Знаешь, вроде как раньше были масоны, «посвященные». Они плели заговоры и творили интриги. Говорят, проводили ритуалы и колдовали. А теперь – мы просто играем. Отнесись к этому как к походу в простое казино или в зал игровых автоматов. У тебя будет возможность получить денежный приз.

– И все-таки... В ней же есть правила. Логика. Я бы хотела ее просчитать... – задумчиво сказала девушка.

– Ты – математик, но не все в жизни поддается расчетам, да-да, знаю, мы уже не раз спорили на эту тему! Ты большая спорщица, дорогая, знал бы – не женился на тебе! – рассмеялся Антонио и ласково погладил жену по рыжим волосам. – Хотя... бывает, я тоже надеюсь, что однажды придет день, и я пойму, кто есть кто. Кто скрывается под маской. Чего они хотят. И в чем же все-таки смысл этой проклятой игры! Мы будем в масках, я же говорил тебе? Всех этих людей, – ну не всех, но абсолютное большинство, – мы встречали в реальной жизни, а многих знаем и весьма хорошо. Их невозможно узнать... Это невероятно, удивительно, потрясающе! Они совсем другие там... Как будем другими и мы. Не волнуйся, моя девочка, верь, у тебя все получится!

– И все-таки, я думаю, можно найти логику и просчитать ходы... – начала было Кристина задумчиво, но не договорила, потому что муж крепко обнял ее и закрыл ей рот поцелуем.

Глава 2. Алоиза

Алоиза вошла в зал под руку с Рони. На ней было длинное ярко-синее платье с глубоким декольте, темные волосы сколоты шпильками, на лице – серебряная маска. Рони был в шелковом плаще, скрывавшем его фигуру целиком, лишь изредка проглядывала белоснежная рубашка. На лице – точно такая же серебряная маска, чтобы всем было ясно – они пришли сюда вместе.

Актриса и художница, авантюристка и искательница приключений, Алоиза рассчитывала выиграть, если не сегодня, то однажды. Но она совершенно не знала правил, для нее игра только началась. В то время как ее спутник был уже опытным игроком и еле слышно рассказывал ей правила, она кивала, силясь запомнить.

Медленно протянула затянутую в белую кружевную перчатку руку и взяла бокал с шампанским, почувствовав его ледяной холод, сделала глоток и зажмурилась от удовольствия – все равно под маской никто не видит глаз! Рони повторил ее жест: подхватил бокал и быстро осушил его. Кивнул какому-то господину, прошептав ей на ухо – это барон фон Рейзен, австриец. Богач, владеет несколькими пивоваренными заводами. А пиво в Австрии – что вино в Испании, золотое дно!

– Да уж, – усмехнулась Алоиза. – Так и есть. Ты как всегда

говоришь верно!

Они приблизились к большому зеленому столу, точно как для игры в покер, только чуть больше и шире, Рони отодвинул стул для своей прекрасной спутницы, пропуская ее вперед.

– Рони, что это за чудесное видение с тобой? – поинтересовался кто-то.

– Алоиза. Моя... Я являюсь опекуном этой девушки. Она сирота, лишилась родителей, когда была еще совсем маленькой.

– Ах, опекун... – насмешливо протянул кто-то. Алоизе не понравился его тон, он словно цинично намекал на какие-то непозволительные отношения между опекуном и его подопечной, и девушка бросила на говорившего гневный взгляд из-под маски. Он показался ей невысоким, плотным рыжеволосым мужчиной со щетиной на лице, однако определить его возраст было невозможно.

– Это – Микеле, итальянский скрипач, говорят, гениален, второй Паганини, – шепнул на ухо Рони.

– Скрипач? – Алоиза поморщилась. – А по виду не скажешь... смахивает на Мефистофеля. Впрочем, про Паганини тоже говорили, что характером он – сам Сатана.

– Это верно и про Микеле, – хихикнул Рони. – Точно, Сатана!

Чуть погодя, Рони представил Алоизе семью Бланкесов, известных бизнесменов из Ла-Коруньи, а после и некоего То-

маса Ф. – голливудского актера, пребывающего здесь инкогнито. Тот был высоким, стройным, но, пожалуй, слишком худым и субтильным, чтобы показаться привлекательным, зато отличался истинно голливудской искусственной улыбкой, и Алоиза постаралась запомнить ее. Она пыталась запомнить характерную черту каждого, в надежде, что это поможет в игре, но совершенно не представляла, что их ждет.

Еще примерно минут пятнадцать они поддерживали бес-содержательную светскую беседу, как вдруг свет стал неярким, теплым, послышались тихие звуки чарующей музыки. Даже скрипач Микеле признавал, что никогда бы не смог не только исполнить, но и просто услышать внутри себя столь совершенную мелодию. Голоса смолкли. А потом, будто по волшебству, прямо из воздуха появилась колода карт, которую бесстрастно раздавала рука крупье.

– Что это? Как такое возможно?! – изумленно прошептала Алоиза, склонившись к уху своего опекуна.

– Невидимая рука Адама Смита, – со смешком ответил он. – Знаешь, как в экономике, рука, которая управляет свободным рынком? В колледже я всегда думал «как это, невидимая рука?» Не думал, что доведется дожить до этого!

– Но карты появляются сами собой... из воздуха...

– Поверь, это не самое удивительное в игре, – голос Рони стал серьезным. – Скоро ты и думать забудешь про невидимого крупье!

Они сыграли партию, девушке даже удалось сделать

несколько ходов, но она так и не поняла, были ли они успешными или неудачными. Крупье снова скинул карты, Томас Ф., перевернув свои, выругался по-английски, донья Бланкес приглушенно рассмеялась, остальные казались сосредоточенными и задумчивыми. И только Алоиза отчетливо понимала, что она совершенно ничего не понимает: правила оставались для нее недоступными, она играла вслепую, просто бросала карту за картой, если нарушала, невидимая рука возвращала ей карту обратно, пока, наконец, колода не закончилась. Крупье объявил последнюю раздачу.

– Ставок больше нет, – произнес его бесстрастный лишенный всего человеческого голос с нотками хрусталя и металла одновременно.

– Кажется, сегодня без эксцессов, – дружелюбно заметил фон Рейзен.

– Сплюньте! – перебил голливудский актер. – Здесь никогда не знаешь, когда что-то случится, а вам лишь бы сгладить!

– Я не глазлив, – тут же возразил барон, – Напротив, приношу удачу. И вот вам – туз в доказательство.

– Неплохо, – уважительно заметил Микеле, сбросив двух королей. Алоиза тоже бросила короля, Микеле как-то неодобрительно взглянул на нее, и даже сквозь маску девушка поняла, что чем-то вызвала его неприязнь. Возможно, он просто недолюбливает женщин?

Игра продолжалась в молчании, они сбрасывали карту за

картой, некоторые крупье возвращал назад – очевидно не только ошибки, но и шулерство здесь не поощрялось. А потом с картой в руке остался лишь Рони.

– Ну вот, началось, – Томас Ф. вытер взмокший от напряжения лоб. – Как раз то, о чем я предупреждал!

– Да будет вам каркать-то! – возмутился Микеле. – Подумаешь, последняя карта! С кем ни бывало, в каждой игре кто-то остается последним, и что с того?

– Ну же! – взволнованно прошептала донья Бланкес, – Переверните, посмотрим скорее, что там!

– Возможно, все не так уж плохо, друг мой, – снова весьма дружелюбно произнес фон Рейзен. – Доверьтесь Фортуне! Она капризна, но не глупа! Даже если проиграете – какая разница, вы ведь сказочно богаты!

Рони пожал плечами, помедлил, а потом перевернул карту. На его ладони лежал черный джокер – это была сильнейшая карта в колоде. Но Рони непроизвольно вздрогнул, потому что вместо лица джокера на него смотрел белеющий на темном фоне череп с пустыми глазницами и шутовским колпаком на полированной голове.

Остальные пожалы плечами и опустили глаза. Повисла какая-то напряженная, зловещая тишина.

– Зато, кажется, партия осталась за мной, я выиграл, – заметил Рони, и его всегда уверенный голос дрогнул.

Когда игра была окончена, зажегся полный свет, музыка стихла, и гости медленно потянулись к выходу. Алоиза по-

ложила ладонь на рукав опекуна и взволнованно спросила:

– Что она значит? Эта карта? Ты же выиграл, да?

Рони неопределенно пожал плечами.

– Да кто ж его разберет, – ответил он. – Не знаю. Просто этот череп показался мне жутковатым и даже каким-то зловещим в первую секунду. Признаюсь, душа ушла в пятки. Но, пустяки, это всего лишь джокер! А джокер – есть джокер, дорогая. Мы получили кучу денег! И вполне можем отпраздновать сегодня кутить!

– Кутить – отличная мысль! – радостно улыбнулась девушка, которой не терпелось сорвать с лица опостылевшую тесную маску. – Скорее, скорее, идем кутить!

Они вышли на улицу, вдохнули свежий слегка прохладный воздух и пошли пешком в сторону парка, не сговариваясь, потому что решили просто прогуляться в тишине, остыть, успокоиться, избавиться от влияния адреналина, вновь обрести ровное дыхание и холодную голову, прежде чем окунуться в веселую атмосферу ночных заведений, которыми так знаменита Барселона.

Глава 3. Заветная мечта

На улицы Барселоны опустилась летняя ночь. В небе сияла полная луна, по диску которой, словно летящие на метле ведьмы, пробегали черные облачка. Уже было поздно. Настолько поздно, что под окнами стихли звуки музыки, характерные гитарные переливы, веселые выкрики, топот детских ножек и автомобильные гудки.

Уже покинули прибрежные рестораны толпы туристов, и там, где еще недавно белоснежной пеной кавы наполнялись хрупкие бокалы, а шустрые официанты разносили подносы с тапас и тортильей, метали на столы блюда с тонко нарезанным хамоном и овечьим сыром, где стучали каблучки танцовщиц и слышались глухие удары кастаньет, где раздавались громкие выкрики веселых посетителей и звон посуды, наступила тишина. Окутала она и дом Манрике де Алькасар, который погрузился в спокойный и беззаботный сон. Прислуга разошлась по своим комнатам, нигде не раздавалось ни звука, не хлопали двери, не скрипели ступеньки.

Летняя ночь в Барселоне! Что может быть прекраснее, пленительнее, загадочнее! Огни танцующих фонтанов, шумные стайки молодежи, веселые компании туристов, щелкающих фотоаппаратами, вечно спешащих, но застывающих, словно изваяния, стоит лишь им увидеть восхитительные каменные кружева Саграда Фамилии. Готические шпили, по-

грузившиеся в сон грифоны и горгульи, покачивающиеся в порту белоснежные мачты парусных яхт, черные неутомимые волны моря, беспрестанно набегающие на берег. Смеющиеся сеньориты и полные достоинства кабальеро, каждый из которых, даже если сейчас он просто лавочник или бармен в заведении за углом, прекрасно помнит, что в его жилах течет кровь благородных идалго, – потому что в этой стране просто нет ни одного человека, в ком не текла бы кровь благородных идалго. И все же, Барселона – это не Испания, здесь у подножья Пиренейских гор, на границе с Францией, еще живет каталанский дух, дух свободы. Здесь живы обычаи, традиции, язык древнего народа, который продолжает неутомимо бороться за независимость, мечтая законсервировать, сохранить, удержать полученное от предков, оградиться от вездесущей глобализации, от «кипящего котла», где плавятся сотни цивилизаций, смешивая народы и нации в единую расу, не помнящую истории, забывшую о прошлом, поглощенную прогрессом, заигрывающую с неизвестным будущим. Но сейчас все они, сторонники и противники глобализации, памятуя о том, что завтра – понедельник, погрузились в сон.

И только в своей комнате Кристина и Антонио, вернувшиеся после игры, никак не могли уснуть, столь сильное волнение охватило обоих: опасения, смешанные с восторгом и легким чувством удовлетворения, что партия осталась позади и окончилась без потерь. Кристина уже успела поделиться

с мужем своими впечатлениями по дороге домой, она была удивлена, возможно, даже восхищена, очарована и смущена таинственной неясностью происходящего в игровом зале. Она пыталась, но не сумела не только понять суть игры, но даже сколько-нибудь запомнить правила, узнать, хотя бы совсем поверхностно, ту логику, которой подчинялось действие. Нет, все стало еще более таинственным, чем прежде: незнакомые люди, непонятные карты, странный невидимый крупье, тихая музыка и неяркий свет, высокие ставки и ходы, сделанные наугад, непредсказуемые выигрыши и потери. Кто и когда сможет объяснить ей все это? Антонио, похоже, сам не очень-то разобрался в устройстве странной игры. А главное, зачем же все это нужно? Для чего? Просто, чтобы убить время?

– Ну что, – тихо спросила Кристина, – тебе удалось хотя бы немного приблизиться к разгадке? Ты узнал кого-нибудь? Или что-нибудь?

Антонио помолчал, потом отрицательно мотнул головой и улыбнулся в темноту.

– В какой-то момент мне показалось, что истина где-то рядом. Мысль мелькнула, словно искра, – и исчезла, погасла. Возможно, сейчас я засну – и мне удастся понять... А потом проснусь – и забуду свой сон, как было уже сотни раз...

– Будет славно, если удастся понять до утра, – подхватила Кристина. – Насколько я помню, у тебя завтра важная встреча с инвесторами. От которой многое зависит.

– Да, – Антонио вздохнул. – Я о ней и не забывал. В последнее время спрос на руду и прочие минералы стремительно падает. Мои директора начинают задумываться о том, чтобы менять сферу деятельности. К тому же наши запасы почти истощились, скоро продавать будет нечего.

– И что они предлагают?

– Они хотят податься в новые технологии, как и все сейчас. Связь, коммуникации, компьютеры. Говорят, за этим будущее, в этих отраслях ожидаются сверхприбыли. Хотя, мне милее традиционные производства, я же стар, ты знаешь!

– Прекрати! Ты совсем не старый, не наговаривай на себя! Но... знаешь, Испания не так уж сильна в сверхновых технологиях, – в голосе молодой жены графа послышались нотки сомнения. – Вряд ли из этого планов что-то выйдет.

– Вот и я о том же, – подтвердил он.

Кристина приподнялась на локте, откинула упавшую на лицо рыжую прядь, а потом с интересом взглянув на мужа, спросила:

– Милый, а ты никогда не думал о судоходстве? Я вот тут размышляла об этом на досуге... Ведь мы живем у моря, в городе есть крупный порт... Это могло бы стать прибыльным занятием. Помнится, некогда ваша семья именно так и приобрела славу...

– Нет, – Антонио безнадежно махнул рукой. – Об этом не стоит и думать! В море нам не везет. Мой дед в войну столк-

нулся с английскими кораблями и те потопили весь наш торговый флот вместе с поистине бесценным грузом. До этого еще мой прадед попытался восстановить традицию, но его единственный корабль утонул в шторм. Нам не стоит связываться с морем.

– Это из-за Проклятого капитана? – на губах Кристины мелькнула улыбка. – Ты веришь в него?

– Ну, а как не верить! Это часть семейной истории. Рад бы не верить, да не могу!

– Расскажи мне о нем, – попросила девушка. – Ну, пожалуйста! А то я все время слышу лишь какие-то отрывки, искажающие истинную картину.

Она, не дожидаясь его согласия, легла поудобнее на подушку и приготовилась слушать. Графа всегда восхищала эта ее восторженная, почти детская любознательность. И Антонио Манрике с готовностью пустился в повествование, забыв о предстоящей встрече с инвесторами.

Он рассказал своей жене о доне Августине Хулиане Манрике, одном из основателей древней фамилии. Дон Августин родился красивым мальчиком, а со временем стал подающим надежды молодым дворянином. Отец ждал для сына блестящей военной или государственной карьеры, но дон Августин бредил морем. Он слышал, как оно шумит в голове, волны стояли перед глазами, а горизонт манил с невероятной силой. И Августин решил не противиться судьбе. Он стал офицером королевского флота, одним из тех, кто отпра-

вился отстаивать интересы Испании в Новом свете. На молодого офицера, отличавшегося бесстрашием и необычайными способностями к мореходству, сам король возлагал большие надежды, однако действительность оказалась довольно печальной: дон Августин вдруг понял, что королевская служба не привлекает его. Он не привык подчиняться, в его сердце было слишком много страсти, ярости, несдержанности и жажды, граничащей с жадностью, а также гордости, быстро превратившейся в гордыню. Оно просило свободы, а душа хотела лишь золота и власти. И он примкнул к корсарам, бороздившим просторы Южного полушария. Топил корабли, грабил города. Он обретал все более громкую славу и был известен как своей удачью, так и жестокостью к побежденным. Он сжигал дотла города и деревни, топил корабли и истреблял все живое, что попадалось ему на пути, будь то индейцы или земляки-испанцы. Ни для кого не находил капитан Августин ни милосердия, ни жалости. Однажды его корабли столкнулись с испанским королевским фрегатом и после ожесточенной битвы пустили судно ко дну вместе с командой. Капитан фрегата, прославленный мореплаватель дон Барталомео Сантьяго-дель-Агирре по легенде проклял дона Августина, назвав предателем и пожелав тому вечно скитаться по морям, причиняя горе и несчастье всем своим потомкам, которые встретятся на его пути. В ответ Дон Августин лишь зловеще расхохотался. А через несколько дней отчаянный пират и его команда попали в суровый шторм,

волна смысла с палубы обоих сыновей дона Августина, и они больше не показались на поверхности. Так корсар узнал о том, что проклятье начало сбываться. Тогда он оставил свою команду, взяв лишь малую часть награбленного, и в одиночестве направился на паруснике в южные моря, за тропик Козерога, к берегам Антарктики, в надежде, что встретит там не потомков, а свою смерть. Однако старуха с косою не спешила за ним. Говорят, что до сих пор Проклятый капитан бороздит моря и океаны, принося несчастья мужчинам из рода Манрике, осмелившимся подняться на палубу корабля. Такова легенда, которая из поколения в поколение передается в нашей семье. И как бы смешно это ни звучало – всем до единого моим предкам, действительно, не везло в море!

Антонио замолчал и погладил жену по плечу.

– Ты спишь? – осторожно спросил он.

– Нет. Слушаю, – откликнулась в темноте Кристина и жала его ладонь. – Интересная история. Но это всего лишь легенда... Правда?

– Говорят, – продолжил Антонио, – Что если однажды кто-то сумеет снять проклятие с капитана, тот появится на берегу. И тогда в благодарность за искупление Дон Августин поцелует руку своему спасителю, а потом снова уйдет в море, где наконец-то встретит смерть. И тогда наша семья сможет вернуться к судоходству. Все мы мечтаем об этом, в нас живут гены Проклятого капитана. Я мечтал пойти в мореходное училище, мечтал командовать военным кораблем, но...

Отец пригрозил лишиться наследства – пришлось изучать социологию и финансы. Вот так, моя дорогая.

– Наверное, он был прав. Твой отец. Зачем связываться с проклятьем, зачем идти в море, когда и на суше полно работы! Ладно, давай спать, дорогой. Тебе предстоит сложный день, нужно отдохнуть и хорошо выспаться. Спокойной ночи!

Она легко поцеловала мужа на ночь, прижалась щекой к его плечу, закрыла глаза и уже почти погрузилась в дрему, когда Антонио вдруг шепнул:

– Кристина!

Она тут же поднялась, встрепенулась, и сон как рукой сняло: что-то в его голосе взволновало ее, заставив насторожиться, встревожиться.

– Что-то случилось?!

– Нет-нет, ничего. Не пугайся, извини, что разбудил. Просто я хотел кое о чем рассказать. Это нечто важное для меня... Почему-то, сам не знаю почему, я подумал, что будет лучше сказать об этом сегодня. Сейчас. Конечно, у нас впереди еще долгие годы, но никогда нельзя откладывать на завтра самое важное. Согласна? Иначе рискуем потерять момент, пропустить то, что как нам казалось, еще даже не успело начаться.

Подобное таинственное и странно торжественное вступление еще больше не понравилось девушке, оно навеяло мысли о том, что у мужа есть какие-то тайны, темные стра-

ницы его жизни, которые никогда не открывались перед ней, словно запертая комната в доме Синей бороды. Может быть, у него есть другая любовь? Университетская подруга, посылающая ему страстные письма? Еще одна семья, внебрачные дети, о которых он не рассказывал молодой жене? А что если его компания замешана в каких-то нечестных делах, связана с мафией, что если его собираются судить? Или кто-то шантажирует... Или... сотня догадок промелькнула в одно мгновение в хорошенькой головке молодой графини Манрике, но вслух она произнесла только:

– Конечно. Я тебя слушаю. Расскажи мне.

Антонио между тем улегся на спину, подложив одну руку под голову и, глядя в потолок, задумался. Молчал он долго, а Кристина терпеливо ждала, чувствуя, как сердце от волнения стучит все быстрее. Но она не торопила мужа, позволяя ему собраться с мыслями.

– Не знаю, с чего начать, – произнес он, наконец. – Начну, пожалуй, издалека. Не секрет, моя девочка, что все вокруг шушукаются, перешептываются, недоумевают, почему я женился на тебе. Ты это замечаешь, уверен. У кого-то хватает смелости сказать об этом открыто, большинство переглядываются за нашими спинами, разводят руками. Конечно, все думают... Впрочем, ты знаешь, что они думают. Что очаровательная охотница за деньгами вскружила голову стареющему дураку. Что меня привлекли твои красота и юность. И отчасти, да, они правы. Так и есть, я мало чем отличаюсь от

других мужчин. Ты красива, ты обезоруживаешь очарованием юности. Все это так, и да, я иногда теряю голову, иногда у меня замирает сердце, когда я вижу тебя, когда думаю, что ты – моя жена. Когда вспоминаю блики солнца на твоих волосах в момент нашей встречи. Ты показалась мне волшебницей, ангелом, спустившимся на землю... И все-таки, я выбрал тебя не поэтому, Кристина. Не за красоту. Не за молодость. Красивых девушек много, молоденьких еще больше.

– И почему же ты выбрал меня? – чуть лукаво улыбнулась Кристина. – Вероятно, за мой необычайный ум?

Они вместе рассмеялись, а потом Антонио продолжил.

– Это, конечно, тоже. А главное... Я знаю, что мои деньги тебе не интересны. И ты это знаешь. Но не знаешь другого: что они не интересны мне самому. Думаешь, мне нужно богатство? Совсем нет. Но изо дня в день я трачу силы, чтобы заработать больше, еще больше. Как думаешь, почему?

– Может быть, для наследников? – предположила Кристина. – Верю, они у нас еще будут, дай только время... Если бог позволит. Мы вместе всего лишь год, думаю, скоро обязательно у нас будут дети...

– Нет. Не для наследников. Наследникам нужно не так много. Потому что у меня есть мечта, Кристина. Я хочу построить город. Или даже страну. Что-то вроде Неограда. Город будущего, город, куда не просочится зло, рай на земле. Tierra Nueva... Терранова. Новая земля.

– Рай на земле – это утопия, – прошептала Кристина,

немного испуганно.

– Знаю. Но мне кажется, что если смогу разгадать эту игру... то, что движет ею, думаю, я смогу сделать так, чтобы мечта стала явью. Мне почему-то кажется, что между игрой и реальной жизнью есть какая-то связь... И тогда я не пожалю никаких денег, и самой жизни, чтобы мой чудесный город появился. Это главная цель, то, ради чего я живу. Ради чего работаю столько лет. Мои многочисленные родственники никогда не одобряют такого, никогда. Никто не поддержит эту безумную идею. Им нет никакого дела до рая на земле, до новых городов. До странных утопий, в которые я верю, до иллюзий, в которых живу. Они слишком земные, слишком эгоистичны, живут для себя, думают о себе. О своих семьях, своих деньгах, о прожитых и непрожитых днях. О светских сплетнях, деловых вопросах и прочих глупостях. Но, едва увидев тебя, заглянув в твои глаза, узнав ближе, я понял, что ты – тот человек, кто может разделить эту мечту со мной. Кто готов бороться и отдать за нее все на свете. Кто пройдет по этой трудной тропе рука об руку, кто поможет и поддержит, кто сделает так, чтобы огонь веры, горящий в моем сердце, никогда не погас. Ты тот человек, Кристина? Скажи мне! Ты такой человек?

Повисло молчание, потрясенная, она обдумывала его слова. Антонио напряженно ждал, не перебивая, испытывая то же волнение, что несколько минут назад чувствовала она сама, опасаясь узнать его тайну. А после Кристина уверенно

кивнула.

– Ну, конечно, – произнесла она. – Конечно, я пойду с тобой. Не знаю, как много может быть от меня толку, я ничего не умею и никогда не строила города. Но сделаю все, что смогу. Ради тебя. Ради твоей мечты. Нашей мечты. Не пойму только одного, почему же ты до сих пор не сделал ни одного шага в ее сторону? Почему?

– Мы сделаем этот шаг вместе, – пообещал он. – И незамедлительно, клянусь! Я не хотел идти по этой дороге один, мне нужен был надежный спутник. А теперь, мы обязательно сделаем этот шаг!

– И когда же?

– Завтра, – твердо ответил Антонио Манрике. – Мы начнем завтра же. После встречи с инвесторами. Не будем ничего откладывать. А сейчас спи, день предстоит трудный.

Кристина снова поцеловала мужа, их поцелуй был чуть более продолжительным, чем следовало бы для прощального поцелуя на ночь, потом она крепко прижалась к его плечу.

Закрыв глаза, Антонио погрузился в мысли о предстоящей встрече с инвесторами. Объемы добычи вот уже более десяти лет неуклонно снижаются. Пару лет назад, в начале тысячелетия, подорожало сырье, используемое для производства цветных металлов, нефтепродукты тоже дорожают. Совсем скоро рентабельность производства упадет, буквально через два-три года его заводы перестанут приносить прибыль. И уже сейчас нужно думать, как с этим справиться-

ся. Судоходство... Кристина не знает, о чем говорит. Жена совсем ничего не понимает в бизнесе, да, без сомнения море притягивает, это кажется романтическим и прекрасным, но сейчас новые времена, новые технологии. Может быть, податься в легкую промышленность, закупать текстиль, производить готовую одежду? Но это совершенно другая, незнакомая сфера. Да и вряд ли такая одежда может принести существенный доход. Нет, легкая промышленность не кажется перспективной. Сельское хозяйство тоже никогда не давало сверхприбылей. Нужно что-то иное, принципиально новое! Что-то, что позволит ему построить город, как построили Дубай арабские шейхи, прямо из песка, благодаря нефти, как построили башни Сингапура, благодаря финансовым корпорациям. Город, поднимающийся к небесам. Терранова, город будущего... Земля, где не будет проблем. Не будет войн и оружия, разбоев и грабежей, грубости и невежества. Земля первозданной красоты и нетронутой природы. Его мечта, его самая главная мечта, которая однажды воплотится в жизнь!

А Кристина, как и все женщины, лежа с закрытыми глазами, думала о любви. Она чувствовала себя бесконечно счастливой и благодарной небесам за счастье быть вместе с любимым человеком, за возможность ощущать его присутствие, думать о нем, говорить с ним. Благодарность за его любовь. Но главное, она была счастлива, что могла любить сама, ведь подобное искусство под силу не каждому. Кристина думала о том, что любовь Антонио дает ей радость разделить свое чув-

ство с мужем, дает ощущение защищенности и спокойствия, рождает в ее душе нежность и благодарность. В то время как ее собственная любовь позволяет окрасить все вокруг в совершенно другие цвета, заставляет иначе проживать мгновения, драгоценные, незабываемые, хотя на самом деле это были лишь обычные разговоры, простые дни и ночи, недели и месяцы, и однако каждый миг казался уходящим напрямую в вечность.

Кристина думала о том, как часто, когда она еще была маленькой девочкой, спорили они с мамой о том, что же лучше, любить или быть любимым. Мама приводила сотни аргументов, доказывая, что быть любимым гораздо лучше. Это дает спокойствие и уверенность, любящий человек не обидит тебя и не сделает больно. Женщине лучше быть любимой, чем любить самой, говорила мать. У Кристины тогда не было аргументов, чтобы возразить, и она просто молча слушала и запоминала. Не было у нее аргументов и теперь. Все слова матери казались логичными и правдивыми, почти математически выверенными и неопровержимыми.

Но сейчас Кристине казалось, что впечатления души, любящей души, идущей через пространство и время, бессмертной и вечной, гораздо ярче и сильнее, и каждое событие оставляет отпечаток лишь на любящей душе, мимо остальных же проносится, не задев, не оставив воспоминаний, и сливается с серой массой других ушедших в прошлое событий и происшествий, которые со временем будет невозмож-

но восстановить в памяти, невозможно отличить друг от друга.

Испанская ночь была жаркой, кондиционер выключили, чтобы не простыть, вентилятор же не спасал, и Кристина, почувствовав, что рубашка стала мокрой от пота, отодвинулась от мужа, отвернулась, перекатившись на край кровати, и постепенно погрузилась в сон. Ей снились панорамы чудесного города, удивительные здания, дороги, сады, каких не встретишь на земле, возможно, такие цвели некогда на улицах прекрасной Атлантиды.

Уставшая после долгого трудного дня, она спала очень крепко. И потому не ощутила произошедших перемен, не услышала легких шагов, тихого, замирающего дыхания, шелеста темных крыльев, не увидела мелькнувшего вдалеке света.

И лишь проснувшись наутро, когда солнце уже вовсю золотило кроны деревьев и было ясно, что таких ярких лучей не бывает в ранние часы, она удивилась, что муж не пошел на свою встречу, а продолжает спать, как если бы сегодня снова был выходной. Как же так! Он всегда был таким ответственным, он ждал этой встречи, говорил о ней столько раз, похоже, что он даже волновался! Так часто они обсуждали возможные темы для переговоров с инвесторами, которые неоднократно переносились по различным, чаще всего независимым от воли графа Манрике причинам. Но уже давно рассвело, уже даже не раннее утро! Почему же он не

покинул дом, почему до сих пор спит! Вот она, эта его ма-
нера никогда не ставить будильник и просыпаться самому!
Неужели, игра отняла у Антонио все силы... стоит ли будить
его, ведь на встречу он все равно опоздал... или, пусть спит
дальше и отдохнет?

Далеко не сразу, совсем не сразу, Кристина поняла, что в
постели рядом с ней лежит мертвец. Она вскрикнула, широ-
ко раскрыла глаза, прижала руку ко рту, оцепенев от ужаса,
не в силах даже позвать на помощь.

И уже потом, много-много часов спустя, когда потекли
первые слезы, когда миновал шок, когда горе обрушилось на
ее плечи, вдруг подумала о том, что же она будет делать те-
перь одна. В этом большом, ставшем в одночасье пустым до-
ме, где у нее нет друзей, а есть лишь недоброжелатели, меч-
тающие избавиться от непрошенной гостьи, так сильно отли-
чающейся от них, не соответствующей, не подходящей, ко-
торая не годится им не только в родню, но даже в прислугу:
они бы выбрали кого-нибудь расторопнее, услужливее, раз-
говорчивее, – кого угодно, только не похожего на нее.

Глава 4. Завещание

Мама была с ней весь этот месяц. Месяц пока шли похороны, бесконечные поминальные встречи, панихиды, отпевания, посещение церквей и семейных склепов. Только благодаря ее поддержке, Кристина и смогла выдержать навалившиеся на нее печальные обязанности.

В остальные часы мать даже не выходила из комнаты, сидела в небольшом помещении, отведенном для нее дочерью в особняке Манрике, рядом с комнатой самой Кристины. Молодая графиня больше не могла ночевать в спальне, где скончался супруг, и перебралась в другую, между спальнями матери и Джайсы.

Здесь была белая лакированная покрытая позолотой мебель, старинная, в стиле ампир: кровать с тяжелым белым балдахином, золоченый прикроватный столик и мягкий белый же ковер на полу. Кристине всегда нравилась эта комната, но сейчас она не замечала ее. Она ничего не замечала из-за слез.

– Скорее бы все это закончилось, скорее бы уйти отсюда, тебе станет полегче, вот увидишь, – вздыхала мать. С короткими светлыми волосами, невысокая и полноватая, Татьяна Серова бесконечно отличалась от женщин дома Манрике, как и своей испуганной, но широкой улыбкой, сеточкой морщин вокруг глаз, чуть неуклюжей походкой. Она чувствовала

ла себя чужой и никчемной в этом доме еще сильнее, чем сама Кристина.

– Конечно, мамочка, – кивала Кристина сквозь слезы. – Как только все закончится, мы сразу уйдем. Я не останусь в этом доме ни одной минуты! Но мы должны проводить Антонио в последний путь. И должны дождаться оглашения завещания. Я знаю, он что-то оставил мне. Конечно, совсем немного, мы прожили вместе всего год. И хорошо, что немного, не придется видеть злые лица его семьи. Но, я надеюсь, этого хватит, чтобы нам вернуться на родину. Папа уже не может больше работать, да и тебе тяжело. Я хочу, чтобы мы вернулись в Россию. Не хочу возвращаться в Саратов, хочу купить квартиру в большом городе, может быть в Петербурге или даже в Москве. Сейчас нам некуда ехать, у нас же ничего не осталось. Но если от мужа мне перейдет хоть что-то, надеюсь, смогу обеспечить вам старость. За себя я спокойна, пойду работать в школу, как раньше. Детям нужно учиться. Для учителя всегда будет работа.

– Как же они все тут тебя ненавидят, – мать погладила ее по голове. – Это и понятно... но чтобы настолько...

– Теперь – еще сильнее, чем раньше. Прежде они не любили меня только за то, что я не их круга. Что я иностранка, что молодая, что авантюристка. Что замуж вышла ради денег. Теперь еще хуже. Они считают, что это я виновна в смерти мужа...

– Но как! – с возмущением воскликнула мать, – Как они

могут такое говорить! Было же вскрытие! Врачи ясно сказали, что сердце...

– Они не обвиняют меня в убийстве, мама, – Кристина грустно усмехнулась. – Слава богу, хотя бы не в этом. Просто считают, что Антонио слишком старался соответствовать молодой жене, старался выглядеть моложе, вел себя как юноша, слишком много выходил в свет, пытался поддерживать себя в форме, злоупотреблял спортивными тренировками, диетами, да и медицинскими препаратами. Как будто графу и миллионеру нужно выглядеть лучше, чтобы удержать супругу, если я хотела лишь денег... У них нет никакой логики... конечно, они же не математики.

– Думаешь, Антонио умер из-за этого? Потому что связался с молодой?

Кристина замолчала и задумалась, задумалась надолго.

– Нет, – ответила она. – Я думаю, не из-за этого.

– Так от чего же он умер?

– Он умер из-за... – начала было она и не продолжила, махнула рукой и вздрогнула, словно почувствовав легкий холодок. – Неважно. Это настолько нелепо звучит, что я даже не хочу думать об этом. Наверное, от горя я совсем помешалась, мне мерещатся странные вещи. Наверное, он умер, потому что пришел его срок, мама. Так будет с каждым из нас однажды.

И вот, наконец, день настал. День, которого так ждала Кристина и остальные родственники Антонио Манрике де

Алькасар.

Кристина – чтобы побыстрее убраться из особняка и освободиться ото всего, что связывало ее с этой семьей. Родственники, чтобы узнать, какая именно часть огромного состояния им полагается. Не волновалась, казалось, одна только Джайса. Она знала, что покойный кузен хоть и любил ее больше других сестер, не оставит ей ничего, побоится тетки Лурдес – вся их доля достанется матери, а уж она знает, как распорядиться деньгами.

– Плевать мне, сфотографируюсь обнаженной для «Плейбоя», получу точно не меньше, – заметила Джайса на реплику Кристины, спросившей о причинах ее спокойствия. – Пусть матушка забирает все себе. Она с утра сама не своя, только что по потолку не бегают!

В день до торжественного оглашения завещания собралась вся семья Манрике де Алькасар, включая Кристину, а сама она пригласила на мероприятие дона Габриэля Ортиса и дона Луиса Торреальба.

– Помилуйте, дорогая, какое отношение я имею к почтенному семейству графа Антонио? – практически слово в слово ответили оба, когда Кристина позвонила этим достойнейшим сеньорам.

– Вы – лучшие друзья графа Антонио, – объяснила Кристина свое странное решение. – Во имя его памяти прошу вас поддержать меня. Я попросту, скажу честно, боюсь входить в эту залу одна. Просто боюсь.

Голос девушки дрогнул, было очевидно, что она не кривит душой. Уже не раз Кристина просыпалась ночью от ужаса, едва только во сне являлось ей суровое лицо доньи Лурдес, ее сдвинутые брови и мрачный взгляд. Боялась она и свою свекровь, да и остальных, тех, кто будет смотреть на нее глазами полными ненависти и осуждения, как на выскочку, как на убийцу Антонио. Она вспомнила первую встречу с семьей Манрике. Антонио привел ее на семейный обед, торжественно представил семье, пока еще как свою подругу и усадил рядом с собой. Повисло долгое молчание, глаза присутствующих буравили девушку. Потом принесли еду и началась беседа. Однако, когда обед подходил к концу, сеньора Вельда, мать Антонио, вдруг посмотрела на сына и прямо спросила:

– Неужели, ты думаешь, что тебе нужна такая девушка?

И тут же зашумели, загалдели остальные, до этого сдерживавшие эмоции и бурный средиземноморский темперамент, укрытый под железными масками аристократии. Кристина съежилась на стуле и покраснела, с ужасом ожидая, что ответит Антонио.

Он не ответил ничего. Только улыбнулся. И его улыбка совершенно ясно сказала: «Я сам знаю, какая девушка мне нужна».

Но теперь его не будет рядом, теперь некому будет поддерживать ее улыбкой.

Кристина надела черное строгое платье-футляр, чуть ниже колена, закрытое, с длинными рукавами и воротнич-

ком-стойкой. Закрутила волосы в тугий низкий пучок, сверху приколола маленькую шляпку с темной вуалью. Теперь лица почти не видно. Она машинально провела помадой по губам, однако постаравшись, чтобы губы не казались слишком яркими, а потом крепко вцепилась в спинку стула и прочитала молитву. Все, слава богу, скоро все закончится. Ей осталось выдержать всего один этот день. Еще раз увидеться с его семьей. Выслушать то, что написано в завещании, а после – уйти своей дорогой. Она недолго побыла графиней. Что ж, не в свои сани не садись! Недолго ее жизнь была озарена светом взаимной любви. Но ничего, многим не выпадает и такого.

Кристина вздохнула и направилась к выходу, мать в спину выдохнула: «Держись, дочка, удачи!»

Глядя вслед своей девочке, Татьяна Серова думала, что воспитывать ее следовало иначе. Она была всегда какой-то хрупкой и возвышенной, такой, какой должна быть девица из высшего сословия, может, поэтому граф и обратил на нее внимание. Но никак уж не дочь строителя-эмигранта, у которой нет даже собственного угла. Нет ничего. Странно, что она еще выдержала экзамены, вероятно, потому что учеба давалась ей легко. Если бы Кристина не смогла получить стипендию с первого раза, она бы уж точно не попробовала во второй. Борьба, преодоление не свойственны этой девочке. Даже сейчас, если Антонио не оставил ей ни гроша, она не скажет ни слова, не наймет адвокатов, она просто уйдет. Мо-

жет это и правильно, главное – скорее уйти из этого дома, где все настолько высокомерны, что забывают поздороваться.

Кристина отворила дверь и вошла в большую затененную залу, украшенную старинными гобеленами. В центре ее стоял огромный овальный стол из черного мрамора, на окнах – такие же черные с позолотой вазы. Обстановка торжественная и мрачная. И почти все были в сборе.

Во главе стола сидела сеньора Вельда в траурном платье, сухая и прямая как палка, морщинистая, с длинным аристократическим носом, черными, прожигающими все насквозь пронзительными глазами и ровными, словно стрельчатые арки, бровями. Она поджала тонкие губы и холодно кивнула Кристине. Донья Лурдес полноватая горбоносая брюнетка, чем-то отдаленно напоминающая знаменитую певицу Монсеррат Кабалье, даже не потрудилась кивнуть. За мать Кристину приветствовала Джайса, помахала рукой. Джайса была блондинкой в отца – немецкого барона и крупного землевладельца, светловолосым был и Рей, Рейнальдо, старший брат Джайсы, – кутила и светский повеса, какого не знало испанское общество со времен самого Дона Хуана Тенорио. Надо отдать Рею должное – он был высок и красив, а в сочетании с прекрасным образованием, богатством и природным обаянием, действительно, превращался в грозу всех девушек Испании, от Бискайского залива до Средиземного моря, а также далеко за ее пределами. В отличие от матери он приветствовал Кристину словами:

– Госпожа графиня, – и даже поцеловал её руку, помог отодвинуть стул.

Кристина присела на краешек, положив руки на стол. Габриэль Ортис и Луис Торреальба уже были здесь, но за стол не садились, стояли у окна. С другой стороны стола, напротив сеньоры Вельды, сидел довольно-таки молодой темноволосый мужчина, дон Алехандро Монтанья, семейный адвокат, один из самых известных юристов Барселоны, специализирующихся на делах о наследстве.

Вокруг стола стояли и старые слуги Антонио, и его няня тетушка Тереза, как обычно в темном полотняном старообразном платье, – в аристократических семьях было положено, что, умирая, хороший хозяин оставлял хоть что-то слугам, которые работали на него.

Все ждали, когда появится Леонардо, младший брат Антонио, вице-президент химической компании «Манрике норте» и один из совета директоров семейного холдинга, управляющего всем, что принадлежало этой семье. Теперь, после смерти Антонио, он должен возглавить холдинг, и потому его присутствие было обязательным для того, чтобы огласить завещание.

Кроме того, ожидали и дядю Антонио со стороны отца, сеньора Алваро, довольно-таки известного литературного критика и сценариста, отличавшегося желчным, даже скандальным характером.

В комнате царил тишина, только Алехандро Монтанья

шуршал бумагами, которые раскладывал на столе. Кристина буквально физически ощущала, как ползут минуты, медленно, словно улитки по обнаженной коже. Когда же все это, наконец, закончится, когда она освободится от гнетущей, тягостной атмосферы этого дома, когда снова станет свободной! Почему же они опаздывают, зачем судьба продолжает испытывать ее!

Наконец, хлопнула дверь, и в черном пальто и такой же черной, надвинутой на глаза шляпе появился Алваро. Несмотря на то, что он приходился покойному дядей, ему не исполнилось еще и пятидесяти, его кучерявые волосы уже посеребрила седина, проседь была и на тонких обрамлявших лицо бакенбардах. Алваро холодно поздоровался, поправил очки на чуть длинноватом прямом носу, но даже и не подумал извиниться за опоздание.

– Как же отвратительны эти пробки, – буркнул он, с грохотом отодвигая стул. Он всегда делал все, чтобы показать, что статус вольного художника позволяет ему не следовать этикету, принятому в этой семье веками. Алваро был, что называется, паршивой овцой в семье Манрике де Алькасар и в пример ему всегда ставили идеально-правильного Антонио... разумеется до тех пор, пока он не женился на Кристине, совершив по меркам своих родных чудовищный проступок.

– Кого ждем? Я что, не последний? – Алваро огляделся.

– Нет, у Лео затянулось совещание. Кто-то же должен

управлять делами теперь, когда Антонио с нами нет, – сеньора Вельда красноречиво взглянула на Кристину, словно поясняя, кто виноват в том, что ее сына с ними больше нет. Кристина опустила глаза и покраснела, чувствуя, что ее начинает бить дрожь. Еще немного и она уйдет, даже не дождавшись оглашения!

Но в эту минуту дверь снова распахнулась, и появился Леонардо, к слову сказать, младший брат был похож на Антонио, только чуть выше ростом, чуть более поджарый и на шесть лет моложе. Кристина вздрогнула, так сильно он напомнил ей мужа. Девушке казалось, что Лео относится к ней если не с симпатией, то с сочувствием, по крайней мере, с его стороны она не ощущала столь явной неприязни, как со стороны остальных родственников.

– Прошу прощения за опоздание, – Лео кивнул присутствующим. – Задержали дела, совет слишком затянулся. Нужно многое уладить сейчас. Поэтому, прошу, не будем откладывать, начинайте, дон Алехандро!

Он опустился на свободный стул рядом с матерью, в то время как головы всех присутствующих повернулись к адвокату. Тот откашлялся, медленно, словно интригуя, открыл крышечку с бутылки минеральной воды, поставленной перед ним, налил ее в стакан, сделал несколько глотков, чтобы промочить горло, а потом обратился к своим бумагам.

– Позвольте приветствовать вас, уважаемые дамы и господа. Все мы знаем, по какому печальному поводу мы здесь

собрались. Сейчас будет оглашено завещание недавно ушедшего дона Антонио Манрике де Алькасар де Луа, графа дель Корта-Реал. Позвольте, я оглашу список присутствующих, после чего вы все должны расписаться напротив своих фамилий. Чтобы подтвердить, что вы слышали оглашение.

Он зачитал список, после того, как все поставили подписи, дон Алехандро озвучил обязательную преамбулу, относящуюся в основном к законности происходящего, а также подтверждающую его право огласить завещание покойного. Также он объявил, что волеизъявление покойного, указанное в завещании является непреложным, ибо иного волеизъявления покойник сделать уже не сможет.

– Дон Антонио имел все шансы изменить завещание, если бы хотел. Но с того момента, когда он вызвал меня для его оформления, документ оставался неизменным. Господин граф никогда не пытался связаться со мной, чтобы внести корректировки в завещание.

– Что, вероятно, говорит о том, что умирать мой брат не планировал, – сухо заметил Лео.

– Возможно, – кивнул дон Алехандро. – Однако в глазах закона, это означает лишь, что завещание истинно. Итак, позвольте начать. Здесь всего несколько строк, оглашение не займет много времени.

– Приступайте, – кивнула сеньора Вельда.

Все присутствующие замерли в напряженном ожидании, Кристина вздохнула с облегчением – наконец-то! А Джайса

тихонько рассмеялась.

Оглашение все-таки заняло много времени, потому что дон Алехандро медленно и четко зачитывал имена и фамилии слуг, садовников, няни Терезы, каждому из которых Антонио Манрике оставлял от тридцати до пятидесяти тысяч, что было, несомненно, щедро, а няня Тереза даже громко всплакнула, поднеся платок к глазам. Теперь ей точно хватит на достойную старость, возможно, она даже отправится путешествовать, как всегда мечтала!

Наконец, перечисление слуг закончилось, и все снова вздохнули с облегчением.

Алехандро откашлялся и сделал глоток воды.

– Продолжаю, с вашего позволения, – произнес он. – Итак. Своей супруге, сеньоре Кристине Серовой де Манрике де Алькасар, я оставляю это письмо. Прошу передать ей его лично в руки, нераспечатанным. Прошу мою супругу считать данное письмо моим последним желанием и постараться исполнить его.

– Письмо? – удивленно спросил Лео, донья Лурдес насмешливо подняла брови, а на сухих губах сеньоры Вельды мелькнула еле заметная улыбка.

– Письмо?! – хихикнула Джайса. – Он оставил тебе письмо?! И только-то? Ничего себе!

– Вот это письмо, донья Кристина, – Алехандро протянул ей конверт, и девушка взяла его. – Прошу убедиться, что воля покойного исполнена – конверт запечатан и не вскрывал-

ся. Для верности я положил его также в еще один пластиковый конверт, который запечатал своей печатью. Она не сломана. Письмо сеньора Кристина прочтет позже, когда будет одна. Так хотел граф Антонио.

С замиранием сердца девушка смотрела на конверт. Для них это «всего лишь письмо», «только письмо», которое граф Манрике оставил своей жене. Для нее же – его голос, который она сможет услышать еще раз, слова, написанные его рукой при жизни! Но главное – то, что он хотел в нем сказать. Ведь очевидно, что в последнем письме заключено самое важное, вероятно, даже то, что муж не решался сказать пока был жив! Это письмо важнее, чем все остальное завещание!

Интуиция не подвела девушку: письмо оказалось значительно важнее, чем оставшийся текст завещания. Хотя и он сумел не на шутку изумить и даже озадачить всех присутствующих.

– Уважаемый дон Алехандро, – подала голос донья Лурдес, прерывая затянувшееся молчание и смешки Джайсы, – Если с письмом и госпожой Кристиной мы закончили, прошу вас, продолжайте! Также прошу тех, кто уже получил свою долю наследства удалиться. Все остальное касается только семьи Манрике де Алькасар.

Она вопросительно взглянула на сестру, сеньора Вельда едва заметно утвердительно кивнула. Ее слово было в доме законом – слуги медленно потянулись к выходу. Поднялась

за ними и Кристина. Ей ясно сказали: здесь жене графа больше делать нечего.

– С вашего позволения, сеньоры, – тихо сказала она. – Прощайте. Спасибо за все.

И направилась к выходу.

– С письмом, действительно, закончили, – подтвердил между тем адвокат совершенно невозмутимым тоном, – А вот с госпожой Кристиной еще нет. Прошу вас, сеньора, останьтесь, куда же вы?

Кристина с изумлением обернулась, словно не зная, что делать. За слугами закрылась дверь, а дон Алехандро указал ей на стул.

– Сядьте! – приказал растерявшейся девушке дон Габриэль, за что удостоился неприязненного взгляда Алваро. Ты не из этой семьи, говорил взгляд, так чего же ты раскомандовался? Однако прежде чем он успел высказать свое мнение вслух, Кристина поспешно села и снова придвинулась к столу. Очевидно, кроме письма муж оставил ей что-то еще. Он все-таки оставил ей какие-то деньги. Возможно, она даже сможет вернуться в Россию!

Дон Алехандро снова откашлялся и надолго углубился в бумаги, пока все напряженно ждали, чувствуя, что нервы натянуты, точно струны, каждый слишком хорошо знал, на что именно он потратит деньги Антонио ему полагавшиеся, каждый рассчитал все, до последнего цента, построил планы, предвидел исполнение мечты, а потом дон Алехандро про-

должил читать. Когда адвокат завершил чтение, в зале повисла такая тишина, что и в семейном склепе семьи Манрике было, вероятно, более шумно. Сейчас, даже если бы пролетел ангел, шелест его крыльев был бы несомненно услышан – так тихо вдруг стало.

Потом снова раздался суховатый кашель адвоката.

Граф Леонардо поднял голову и тихо спросил:

– Дон Алехандро, вы уверены, что умеете читать?

– Помилуйте, сеньор, взгляните сами! Я окончил Сорбонну и попросил бы...

Его прервал громкий смех Джайсы и последовавший за ним язвительный хохот Алваро, который, не стесняясь, указывал пальцем на взбешенное лицо доньи Лурдес.

А Кристина, вдруг резко отодвинув стул, не в силах совладать с охватившей ее паникой, выскочила из залы и побежала прочь, по длинному коридору, упиравшемуся в бывший кабинет ее мужа. Она вбежала в кабинет и закрыла за собой дверь. Джайса, дон Габриэль и дон Луис, друзья ее мужа, рванулись за девушкой. Остальные молчали в недоумении, хотя испытывали сейчас сходные чувства.

– Подумать только, – прошептала сеньора Вельда, – Мой сын ведь умер из-за нее! Если бы не эта женитьба, он был бы сейчас здесь, с нами! И он оставил ей все... Все до последнего гроша... этой...

Она не договорила, потому что не нашла слов, которыми можно было правильно описать Кристину.

– Этой рыжей кошке, – закончил за нее Алваро.

– Отличный поворот, прямо для твоего нового сценария, дядя! – заметил с усмешкой Рей. У него было множество долгов, в основном карточных, кроме того он присмотрел себе отличный гоночный автомобиль и потому рассчитывал на наследство дяди Антонио, но все равно, как и его сестра Джайса, старался улыбаться, сохраняя хорошую мину при плохой игре.

В кабинете Кристина стояла, опираясь на письменный стол мужа. Габриэль, Луис и Джайса окружили ее.

– Я откажусь, – поспешно произнесла девушка и нервно замахала рукой, не позволяя им произнести ни слова, – Мне ничего не нужно! Скажите им, я ото всего откажусь! Я не стану бороться с ними, не стану лишать семью состояния. Джайса, иди, скажи им, что я откажусь! Пусть они не делают такие страшные лица! Я сама считаю, что Антонио погорячился. Он был неправ! Оставить родных без наследства! Иди к ним, скорее, скажи, что я откажусь!

– Кристина, девочка, почему же? – изумленно спросил дон Габриэль.

– Мне не нужны такие деньги. Я не знаю, что с ними делать... Это ответственность, это ломает мою жизнь! И потом, я хочу уехать отсюда, из этого дома, не хочу никаких корпораций, хочу вернуться в школу, понимаете? И я не хочу бороться с ними. Не хочу иметь ничего общего с этой семьей! Они ненавидели меня всегда, а теперь ненавидят еще

сильнее! Я их боюсь! Да они просто убьют меня, отравят, Джайса, так?

– Не удивлюсь, – с улыбкой ответила ей подруга. – Зная мою матушку – вполне вероятно. Да и тетушка Вельда тоже не подарок.

– Хватит, я все решила. Я отказываюсь от этого наследства. Пусть дадут мне денег на квартиру, а остальное забирают себе, – твердо сказала Кристина, обретя некоторое подобие уверенности. Дон Габриэль и дон Луис понимающе кивнули.

И только дурочка Джайса, заметив белый конверт в руке молодой графини, вдруг сказала:

– Подожди, Кристина! Ты же еще не прочла письмо... а вдруг там что-то важное?

Теперь уже все неотрывно смотрели на письмо. Последняя воля Антонио, ее любимого мужа.

– Ты права, – согласилась Кристина. – Сначала письмо. Но, как он просил, я бы хотела прочитать его одна. Пожалуйста, возвращайтесь в залу, подождите, пока я прочту. Я скоро вернусь. И скажу всем, что отказываюсь от наследства. Подождите.

Дон Габриэль ласково потрепал девушку по плечу, стараясь приободрить, после чего все трое вышли из кабинета и тихонько прикрыли за собой дверь. Кристина осталась одна. В большой зале ее ждали люди, от нее зависела их судьба. Судьба новых нарядов для Джайсы и спортивной машины

для ее брата. Судьба новых возможностей для корпорации, о которых думал Лео, судьба так и не снятых фильмов для Алваро, судьба процветания семьи, о котором пеклись Лурдес и Вельда. Но Кристина не думала сейчас о них, она думала о прощальном письме мужа и о его просьбе. С замиранием сердца она вскрыла печать и развернула письмо.

Глава 5. Письмо.

Едва только Кристина увидела почерк мужа, как буквы заплясали у нее перед глазами, текст начал расплываться, а по щекам покатались слезы. Она вытащила носовой платок, вытерла лицо, потом, глубоко вздохнула, взяла со стола графин с водой, налила в стакан и сделала несколько глотков. Такие хрустальные графины стояли во всех кабинетах особняка и ежедневно обновлялись, даже если кабинетом никто никогда не пользовался. Сейчас Кристина готова была признать, что это было неплохой идеей. Успокоившись, она снова вернулась к письму.

«Дорогая Кристина, моя любимая жена, – начиналось оно, – если ты читаешь это письмо, значит, меня уже нет, ведь оно является неотъемлемой частью моего завещания. И прежде всего, хочу попросить прощения за то, что оставил тебя. За то, что дал клятву быть рядом с тобой всегда, но не смог ее сдержать. Прости меня. Но ты понимаешь, что жизнь и смерть не в наших руках, что есть высшая воля, которая определяет наши судьбы и отмеренное нам время. Верю, что однажды, когда твой путь закончится, мы обязательно встретимся снова.

Дорогая Кристина, наверное, тебя удивило, что все мое весьма внушительное состояние я оставляю тебе. Удивило, что не оставил ничего своим родным. Зная твою благород-

ную натуру, могу предположить, что такое решение ты нашла даже несправедливым. А зная твою робость и боязливость, предположу, что оно тебя напугало. Вероятно, ты понятия не имеешь, что делать с кучей денег, которая вдруг обрушилась на тебя. Боишься быть погребенной под этими золотыми горами. И однако, я ни на секунду не сомневаюсь в том, что мое решение является единственно верным.

Кристина, надеюсь, я успел рассказать тебе о моей мечте, о новом городе, новом мире, новой земле – о Терранове. Надеюсь, ты дала слово поддержать мою безумную идею и пройти этот путь со мной. Или, как теперь получается, без меня.

Прошу тебя, возьми мои деньги, мои компании, мои земли, используй все, чтобы воплотить мою мечту в жизнь, сам я уже сделать этого не смогу. Надеюсь, Господь позволит мне наблюдать за тобой с небес и направлять тебя, потому что путь этот не будет легким. Прошу, не обращай внимания на слезы, протесты, угрозы моих родных. Они не остались без куска хлеба и без крыши над головой. Каждый из них и так сказочно богат, ты это знаешь. Прошу, не позволяй им убедить себя, не позволяй запугать. Не допусти, чтобы они потратили мои деньги на роскошь и пиршества, на тряпки и машины, на свои бесконечные свары и интриги. Не допусти, чтобы выбросили мое состояние на ветер. И ты сама, не трать, прошу, мои деньги понапрасну. Обеспечь необходимым себя и свою семью, а остальное используй для создания Террановы.

Я понимаю, как безумно, даже жестоко это звучит. Тебя, слабую, юную девочку я прошу построить великий город, какой не смог построить никто до тебя. Если только грек Платон, да и то лишь в своем воображении. Понимаю, что вешаю на тебя непосильную ношу, возможно, ломаю сейчас твою судьбу, меняю линии жизни на твоей ладони. Но, Кристина, если я и прошу тебя о невозможном, то лишь потому, что знаю: ты справишься. Справишься с тем, с чем не сможет справиться никто другой, потому что ты такая одна. Иначе я никогда бы не предложил тебе стать моей женой, не сделал бы тебя графиней Манрике де Алькасар, не оставил бы тебе все, что имею. Я знаю, что ты справишься, у меня нет никаких сомнений.

Прошу тебя еще об одном, таком же невыполнимом деле. Сними проклятье с дона Августина Хулиана. С этим не могли справиться благородные мужи дома Манрике. Но ты – не муж, и ты – не Манрике. Я знаю, ты сможешь и это. И тогда наши корабли будут вновь бороздить морские волны, и великая судоходная династия Испании восстанет из праха. Возможно, однажды тебе даже захочется назвать один из сотен своих кораблей моим именем.

Прости меня, за то, что оставил тебя, прости за мои невыполнимые заветы. Помни, что я всегда тебя любил, и смерть здесь ничего не меняет. Будь сильной, верь в себя и ничего не бойся.

Прошу тебя не прерывать игру, продолжай присутство-

вать на собраниях и играть, даже если никогда не сумеешь понять ни правил, ни смысла происходящего. Просто продолжай играть.

Прощай, моя Кристина, живи долго и счастливо,
Твой любящий муж
Антонио

P.S. Кристина, прошу тебя так же как можно скорее забыть меня и полюбить другого. Такая женщина не должна быть одна, тебе нужен достойный спутник, так побыстрее найди его. Желаю вам счастья и чудесных малышей.

При первом прочтении письма Кристина обратила внимание лишь на поскриптум, лишь на пожелание встретить любовь и родить детей от будущего избранника, поэтому она зарыдала с новой силой и даже вода из графина не помогала успокоиться. Потом, когда рыдания прекратились, она снова перечитала письмо, и лишь теперь до ее сознания дошел весь ужас произошедшего. Она не сможет покинуть ненавистный особняк навсегда! Не сможет вернуться в Россию! Она никогда не будет работать в школе! И она не сможет отказаться от наследства! Нет, теперь она, навеки, пленница огромного состояния, семьи Манрике и чужой судьбы! Она должна оставить свою дорогу и пойти по другой, предназначенной не ей, должна прожить чужую жизнь, жизнь богатой незнакомки! Должна искать Проклятого капитана, должна играть в

непонятную игру, должна руководить компаниями, хотя понятия не имеет как! Должна строить загадочный идеальный город, который никто и никогда не мог построить до нее! Должна... иначе она не исполнит последнюю волю мужа, а много ли тогда стоит ее любовь? С другой стороны, как он мог? Как мог Антонио решиться на такое! Возложить на ее плечи неподъемную ношу и почему? Просто потому, что он вообразил, что она это сможет? Нет, не сможет! Это не под силу ни одному человеку в мире, и тем более ей!

Кристина почувствовала, что у нее начинается приступ паники. Она знала, что в большой зале сейчас сидят люди, сидят, словно на иголках, решается их судьба! Они ждут ее. Разгуливают взад-вперед вдоль стола, ерзают на стульях, постукивают ногами, переглядываются, чертыхаются, ругаются, обращаются ко всем богам. И они ждут, они ждут ее решения!

Но она не может выйти к ним сейчас, она вынуждена заставлять их нервничать и беспокоиться, испытывать тревогу, мучиться неизвестностью и смотреть в будущее со страхом. Каждый боится потерять то, что принадлежит ему, даже если это всего лишь шкура убитого медведя.

Что она скажет им, если ничего не решила? На весах судьбы сейчас трудный выбор, слишком трудный! Если она войдет в залу и скажет, что отказывается от состояния, – она предаст Антонио и его мечту. Но если примет наследство, если согласится исполнить его волю, – потеряет себя и наве-

ки подчинит свою жизнь непонятной, непосильной цели. А цель должна быть достижимой, так ее учили в университете, иначе не будет ни смысла, ни желания к ней стремиться.

Самым лучшим было бы передать состояние, вместе с обязательством исполнить мечту Антонио, кому-то более сильному, тому, кто сможет ее воплотить. Например, Лео. Или дону Габриэлю. Но с другой стороны, Антонио мог бы сделать это и сам. Значит, он не считал, что они исполняют клятву, не верил, что пойдут за его мечтой, как за своей собственной. Он верил только ей, только Кристине. Он оказал ей огромную честь и доверие, когда привел бедную девочку-эмигрантку в этот дом, когда назвал ее графиней и своей женой. И сделал это не только ради любви. Ради любви он мог бы просто снять ей квартиру в центре города и навещать ее в свободное время. Но он надел ей на палец кольцо, он оставил ей все свое состояние. Ради Террановы. Ради дона Августина. Ради свободно бороздящих океан кораблей семьи Манрике. Увидел в ней освободительницу, Жанну Д Арк, Орлеанскую деву. Что ж, могла ли она не оправдать этого доверия? Муж сделал для нее много, мечтал сделать еще больше. Неужели, она не сделает того же для него!

Кристина снова вытерлась, потом подошла к зеркалу и слегка поправила макияж, чтобы скрыть следы слез, хотя, что можно сделать с покрасневшими глазами: только еще больше опустить вуалетку, но именно этого она делать не собиралась. Она должна найти смелость посмотреть в лицо се-

мье Манрике, и посмотреть открытым взглядом.

Кристина медленно направилась обратно в залу. Из-за двери доносились оживленные голоса, очевидно присутствующие о чем-то горячо спорили. Однако едва она вошла, – воцарилась гробовая тишина. Все взгляды были устремлены на нее. Кристина молча вернулась к своему креслу, а потом подняла глаза и взглянула на Джайсу.

– Джайса, ты передала уважаемым собравшимся то, что я просила?

– Нет, – девушка мотнула головой. – Дон Луис сказал, что ты должна сама объявить свое решение. К тому же, мы договорились, что сначала ты прочтешь письмо.

– Спасибо тебе и дону Луису, – Кристина кивнула. – Это было абсолютно правильно. Сеньоры, Джайса говорит верно, сначала я прочту вам письмо Антонио. С вашего позволения, опущу все личное, что касается только нас. Прочту лишь то, что имеет прямое отношение к завещанию. Думаю, после этого, вам будет проще понять мое решение.

Никто не произнес ни слова в ответ, все продолжали ждать, напряжение, висевшее в воздухе, было настолько плотным, что при желании его можно было почувствовать на ощупь.

– Прошу вас, – произнес, наконец, Алехандро.

Кристина, стараясь, чтобы голос не дрожал и не срывался, а главное, сдерживаясь, чтобы снова не разрыдаться, начала зачитывать письмо. По мере того, как она говорила, на ли-

цах собравшихся все явственнее проступали непонимание, сомнение, изумление и даже недоумение. Наконец, она замолчала, тишина была ей ответом.

– Вот уж не думала, что мой сын – безумный мечтатель, – произнесла, наконец, донья Вельда. – И никогда не думала, что он способен на глупость. Хотя, без сомнения, способны и умнейшие из нас.

– Первую глупость он совершил, женившись на этой девушке. Вторую, когда почему-то вообразил, что она способна создавать города, – добавила донья Лурдес. – Вы ведь, дорогая, не думаете, что это так?

Она уставилась на Кристину своими черными глазами.

– Я не знаю, сеньора Лурдес, – тихо ответила Кристина. – Но у нас будет шанс проверить. Сеньоры, я объявляю вам о том, что как хорошая жена должна исполнить последнюю волю своего супруга. Я любила Антонио, хоть вы и сомневаетесь в этом. Я приму то наследство, которое он оставил мне и обязуюсь сделать все возможное и невозможное, чтобы его мечта воплотилась в жизнь.

– Разумеется, – хмыкнул Алваро, – Мечта – понятие эфемерное, а наследство – вполне реальное. Деньги можно взять уже сейчас, а вот исполнится ли мечта или нет – еще вопрос! Разумно, милая сеньорита, очень разумно!

– Дон Алваро, мы вернемся к этому разговору, когда я приглашу вас прогуляться со мной по улицам Террановы, – отрезала Кристина.

– Надеюсь и жду, – язвительно ответил он, нахлобучивая шляпу. – Полагаю, мне тут больше делать нечего?

– Да уж, – вздохнул Лео, – Мне тоже порядком надоел этот фарс. Братец выжил из ума, его завещание не должно иметь никакой силы! Надеюсь, я могу рассчитывать на пост Председателя Совета директоров холдинга, вы ведь не претендуете на руководство компанией, дорогая невестка?

Он поднялся и пристально взглянул ей в глаза.

– Ну почему же... – тихо ответила Кристина. – Почему же не претендую? Весьма.

Брови Леонардо стремительно поползли вверх, а потом на его губах мелькнула злорадная улыбка.

– Председатель избирается путем голосования, так прописано в уставе компании. Вы же не ждете, что кто-нибудь проголосует за вас?

Кристина молча пожала плечами, вот и проверим, говорил ее жест.

– Дон Алехандро! – не выдержала, наконец, донья Лурдес, он ярости она даже вскочила со стула, а ее лицо покрылось характерными красными пятнами, – Доколе будет продолжаться этот цирк! Вы же адвокат! Я призываю вас немедленно прекратить подобное безумие! Вы разумный человек, и что за фарс тут устроили! Сначала зачитали завещание, составленное выжившим из ума мечтателем, понимаю, о покойниках не говорят плохо, но что еще можно сказать о мужчине, женившимся на молоденькой самке, потерявшем голо-

ву, забывшем о чести и достоинстве семьи, ради своих удовольствий, а теперь еще и посмевающим оставить ей все, лишив семью дохода, лишив нас того, что принадлежало нам веками! Потом, когда я думала, что смешнее уже некуда, было зачитано это письмо, совершенно ясно, что человек нормальный не мог написать подобный шизофренический бред! Новые города? Серьезно?! Эта девица, которая не может связать двух слов, которая позавчера встала со школьной скамьи, а вчера вылезла из трущоб... Не смей прерывать меня, Вельда, довольно! Я все скажу! Ты думаешь, что если твои сыновья старше, то они имеют больше прав, чем мои? Почему Антонио распоряжается деньгами, мы такие же наследники, как и он!

– Всего лишь потому, что эти деньги заработал сам Антонио, и ты прекрасно это знаешь, Лурдита, – холодно произнесла Вельда.

– Не называй меня Лурдита! Я уже давно не ребенок! Так вот, по мнению твоего умного сына, эта девица сможет управлять компанией? Сможет сделать нашу семью богаче, принести процветание? Побойтесь бога, да она разорит нас, пустит по миру! Вы серьезно считаете, что состояние семьи Манрике следует спустить на строительство идеального города? И что построит его – она?

– А на что его нужно спустить, мама? – подала вдруг голос Джайса. – На бриллианты? Или на фильмы дяди Алваро? Почему дядя Алваро не считается безумцем, а Антонио счи-

тается? Где та грань, которая отделяет безумных – от нормальных? Дурочку меня – от умной тебя?

– Замолчи, Джайса! – Лурдес смерила ее суровым взглядом.

Девушка поднялась и медленно грациозно потянулась.

– Как я поняла, самое интересное закончилось. Поздравляю, Кристина. Надеюсь, ты подбросишь мне денег на новое платье, если я совсем уж обнищаю.

С этими словами она довольно тепло обняла подругу и вышла из зала.

– Поздравляю, Кристина, – Рей послал ей очаровательную улыбку и последовал за сестрой. – Джайса права, слушать матушку весьма утомительно.

Донья Лурдес, гневно хлопнув дверью, вышла, с ненавистью взглянув на Кристину.

– Дон Алехандро, можно вас на пару слов? – поднялась донья Вельда, тяжело опираясь на стол.

– Разумеется, – адвокат уже собрал бумаги и последовал за пожилой дамой в ее кабинет.

В зале осталась лишь Кристина, дон Габриэль и дон Луис.

– Интересную Антонио заварил кашу, – наконец, улыбнулся Луис, и улыбка спряталась в его седеющих усах, – Он всегда был выдумщиком. Помню, еще в молодости Антонио был заводилой, влипал в разные истории. Так что, завещание вполне в его духе. Сочувствую, моя дорогая, вам придется нелегко. Эти почтенные дамы не остановятся, пока не сжи-

вут вас со свету.

– Но главное, Кристина, зачем вам лезть в холдинг? – Габриэль опустил на стул напротив нее, – Что вы там забыли?

– Если я не буду знать, что происходит, они быстро лишат меня денег. Уверена, донья Вельда не так просто пошла с адвокатом в свой кабинет. Не для того, чтобы выпить чашечку кофе или рюмочку коньяку.

– Паук уже плетет паутину, – согласно кивнул Луис.

– Я хочу, чтобы вы рассказали мне, что собой представляет голосование, чего мне ждать, к чему готовиться? – попросила девушка.

– В голосовании принимают участие директора компании, – ответил Луис. – Они избирают Председателя сроком на три года, потом происходит повторное голосование. Сейчас мы можем только предположить, как все сложится. Разумеется, мы с Габриэлем поддержим вас, так приятель? Этого хотел Антонио.

Дон Габриэль молча кивнул в ответ.

– Джайса меня поддержит.

– Сеньорита Джайса не входит в Совет. Она никогда не интересовалась бизнесом. А вот ее мать, донья Лурдес, совершенно очевидно, будет против вас. Как и Леонардо, который заинтересован сам занять место Председателя. Максимино Флорес тоже будет против. Он спелся с Лео, хотя на самом деле единственное, чего он хочет, это подобраться поближе и оттяпать себе жирный кусок холдинга.

– Кто это? Я никогда не слышала о нем.

– Сеньор Флорес – человек известный. Они с Антонио терпеть не могли друг друга, поэтому вы и не слышали о нем. Максимино, кстати, терпеть не может женщин. Особенно женщин в бизнесе, он считает, что им место разве что в борделе.

– Ну, каждый знает то, с чем привык иметь дело, – хмыкнул Габриэль. – Максимино Флорес – человек с весьма странными привычками, дорогая. Скажу честно, более порочного человека я не встречал ни разу, это человек с черной душой. Способен ли он украсть? Да, несомненно? Убить? Думаю, не раз делал это. Разумеется, не своими руками, хотя, может и своими тоже. Он циничен, жесток, коварен, для него нет ничего святого. Впрочем, вы сами все увидите. Я бы его опасался. Мы не советуем вам, дорогая Кристина, лезть в бизнес, это действительно не дело для юной красавицы.

– Таким образом, получается, что три голоса против и два голоса за, – продолжила Кристина.

– Да, все решат голоса оставшихся членов. Рея, хотя, вероятно он поддержит мать. Алваро, хотя ему тоже с чего бы поддерживать вас... Вероятно, мы сможем рассчитывать на Филомену, вице-президента по вопросам бюджета. Я поговорю с ней. Она женщина, может в ней проснется солидарность, к тому же они с Лео всегда были на ножах.

– Спасибо, спасибо вам, – Кристина улыбнулась немолодым мужчинам, стоявшим перед ней, – Это было самое пра-

вильное решение – пригласить вас сегодня!

– Вы начинаете с правильного решения, а значит, Антонио не зря верил в ваше будущее, – улыбнулся Луис. – Продолжайте в том же духе, графиня. Но подумайте над нашими словами, держитесь подальше от холдинга.

– Я подумаю, – кивнула Кристина.

Когда они оба покинули особняк, Кристина направилась в комнату, где ждала мать. Ей предстояло сообщить Татьяне Серовой, что теперь они очень и очень богаты. На эту информацию мать отреагировала крайне странно, вероятно, в результате шока – не каждый день слышишь, что на тебя свалилось огромное состояние! Она спросила:

– Значит, ты купишь мне новую швейную машинку?

Кристина растеряно кивнула, а потом протянула матери письмо Антонио, чтобы та, прочитав, знала, с чем им придется иметь дело. Пока мать читала, молодая наследница смотрела в окно, раздумывая, что же теперь следует предпринять, с чего начинать? Мысли путались, мешались, убегали, а она была не в состоянии их поймать. Наконец, Кристина поняла, что пришло правильное решение. Она оставила мать, вышла на улицу, пересекла двор, прошла по зеленой лужайке к фамильному склепу, постояла возле могилы мужа, а потом направилась в собор, находящийся на другой стороне улицы. Там, стоя перед статуей, изображавшей Санта-Марию-дель-Консуэло, Богоматерь Утешения, она просила сил и защиты, в надежде, что бог услышит и не оставит ее одну. Она боя-

лась. За свою жизнь и за жизнь родителей, поэтому первым делом решила сделать то, что подсказывало сердце: покинуть мрачный особняк и переселиться в деловой район города, в просторную квартиру, находящуюся рядом с офисом. Отсюда ей будет проще добираться до работы. Отсюда из окна видно море. И здесь она будет, наконец, в безопасности. Родители, разумеется, переехали с ней, одной ей было бы слишком страшно в этом пустом пространстве, она уже так привыкла всегда быть вместе с Антонио!

Вторым шагом было купить матери швейную машинку, которую та просила. А дальше – Кристина начала готовиться к голосованию, она читала все книги по бизнесу, которые попадались ей под руку, знакомилась с делами компании и покупала одежду, то, что она носила в школу здесь не подойдет, как говорится, встречают по одежке. Хотя, о чем тут говорить, слава обманщицы, искательницы приключений, – опережает ее, так что одеждой тут вряд ли поможешь.

Наконец, настал заветный день. Кристина в серо-голубом, жемчужном костюме, от чего ее глаза казались совсем синими, с убранными волосами и черным портфелем с бумагами в руках, прибыла на Совет директоров. Девушка надела очки в черной оправе, в надежде, что они придадут ей солидности, что за этими стеклами спрячутся ее молодость и неопытность, а главное – ее страх, побороть который оказалось невозможно. Что ж, если выберут Лео, – ей придется работать с ним, придется считаться с его решениями, а зна-

чит – пойти на сделку с инвесторами, на которую не смог прийти Антонио в то злополучное утро.

Ее сердце бешено стучало, когда она переступила порог зала заседаний.

Глава 6. Большие перемены

– Рада приветствовать вас, сеньоры, – Кристина наклонила голову, больше чтобы скрыть предательский румянец, заливший щеки. Остальные кивнули, кто более, кто менее вежливо. Она опустилась на предназначенный ей стул и быстро окинула взглядом комнату. Большой зал в серых тонах, с панорамными окнами, вдали голубело море, а внизу мчались машины, виднелись темные крыши домов, шелестели листья деревьев. За блестящим пластиковым столом, длинным, овальным, невероятно прочным, однако производившим впечатление стеклянно-хрупкого, сидели директора холдинга. Леонардо Манрике занял место во главе, прежде его занимал Антонио. Кристина снова почувствовала, как кольнуло сердце, в последнее время это случалось все чаще.

По правую руку от него сидел Максимино Флорес, он оказался невысоким плотным человеком, массивным, но не грузным, с коротко стриженными черными волосами и бородкой, напомнившей Кристине о Доне Кихоте. Хотя комплекция его, скорее напоминала о Санчо Панса. В его взгляде читалось столько неприкрытого высокомерия и насмешки, что девушка даже не смогла понять, проникся ли исполнительный директор холдинга к ней антипатией, ей показалось, что он даже не заметил ее. Однако Кристина ошиблась, Максимино Флорес ее заметил: он обладал феноменальной

способностью смотреть в никуда, но видеть и замечать абсолютно все. И сейчас он пристально разглядывал девушку своим рассеянным, но ничего не пропускающим взглядом.

Сеньора Филомена Раминес-Гарсиа оказалась сухопарой женщиной с птичьими чертами лица, филированной стрижкой «боб», тонким носом и необычайно подвижными руками, которыми она постоянно что-то делала: то постукивала по столу, то крутила ручку, то перелистывала ежедневник, то наматывала на палец волосы, – в общем, ни секунды не сидела спокойно. Ее глаза поражали холодом и смотрели на Кристину цепко и внимательно.

Алvaro сидел по левую руку от племянника, он углубился в принесенную ему газету, отхлебывал кофе из чашки и делал вид, что происходящее вокруг его не касается.

Донья Лурдес сидела за столом напротив Кристины, Рей, как всегда в новом дорогом костюме, занял место рядом с матерью и писал кому-то послание: он никогда не выпускал телефон из рук. Рядом с Кристиной, словно два ангела-хранителя, обосновались дон Луис и дон Габриэль.

– Можно начинать, все в сборе? – Лео окинул взглядом присутствующих. – Тогда, пожалуй, начнем. Сегодня, как вы знаете, у нас необычная повестка. Прежде всего, позвольте представить вам Кристину Манрике де Алькасар, в девичестве Серову, нового члена Совета директоров, супругу моего покойного брата Антонио.

Кристина еще раз вежливо кивнула присутствующим и

еще больше покраснела. Потом дрогнувшей рукой налила себе воды и быстро осушила стакан. Чтобы успокоиться, она принялась смотреть в окно, туда, где на горизонте виднелось море.

– Итак, цель сегодняшнего собрания: путем голосования определить того, кто займет место Председателя, которое прежде принадлежало Антонио. Вашему вниманию представлены две кандидатуры. Кандидатура сеньоры Кристины Манрике де Алькасар, владеющей в настоящее время контрольным пакетом акций холдинга, перешедшего к ней по завещанию ее супруга. И, собственно, мою. Я был заместителем Председателя много лет, поэтому рассказывать мне вам нечего, все мои действия вам известны, судите сами, были ли они на благо компании. Что касается сеньоры Кристины, возможно, она захочет сказать свое слово перед тем, как мы приступим к голосованию. Кристина, у вас есть, что сказать Совету? Возможно, вы хотели бы поделиться с нами стратегией, которую положите в основу развития холдинга?

Кристина откашлялась, переглянулась с обоими ангелами-хранителями, получив их утвердительные кивки в качестве поддержки, и произнесла:

– Уважаемые члены Совета, скажу, что для меня большая честь быть здесь сегодня, но и большое горе, как вы знаете, я здесь лишь по причине смерти моего мужа. Уверена, что если Антонио был бы жив, он нашел бы лучшую из всех возможных стратегий для развития нашего бизнеса. Я лишь мо-

гу предполагать, чего он хотел для компании и к какому будущему стремился. Ясно одно, мой муж не хотел оставаться в традиционной парадигме, но мечтал двигаться вперед, к новому миру, к новым технологиям. Сырьевая отрасль приходит в упадок, принадлежащие компании месторождения из года в год показывают отрицательный прирост добычи и вам это хорошо известно. Мое предложение заключается в необходимости радикальных перемен. Я хочу отдать свой голос за обновленную компанию, за новые дороги, которые, хотелось бы верить, приведут нас к успеху. Большого сказать сейчас не могу, но готова продолжить в случае, если вам будет угодно поддержать мою кандидатуру при голосовании.

– Новый мир – это тот утопический город? – хмыкнула донья Лурдес, Кристина не ответила.

– После того, как мы выслушали пламенную речь юной сеньориты, можем приступать к голосованию? – буркнул Флорес. – А то у меня сегодня еще четыре встречи. Кроме того, я хотел бы до них успеть пообедать.

– Если нет возражений, предлагаю голосовать? – Лео окинул присутствующих вопросительным взглядом. – Я не голосую, Кристина, разумеется, тоже. Таким образом, у нас семь голосующих членов. Итак, прошу, господа.

– Я, разумеется, поддерживаю моего племянника, сеньора Манрике, – Лурдес кивнула в сторону Лео. В этом никто не сомневался, и лишь на тонких губах Леонардо промелькнула легкая улыбка.

– Лично я, – произнес Луис Торреальба, – Глубоко уважаю графа Манрике – младшего, мы много лет работали бок о бок, я высокого мнения о его уме и работоспособности, знаю, он верит в будущее компании и трудится во благо ее. Однако Антонио был моим другом, я догадываюсь, и смею надеяться, что догадываюсь верно, как бы сейчас голосовал он. И потому отдаю свой голос за сеньору Кристину. Надеюсь, она сможет оправдать мое доверие.

– Поддерживаю, – откликнулся дон Габриэль. Кристина робко улыбнулась, улыбнулся и Лео, было очевидно, что произошедшее оказалось предсказуемым, он ждал подобного исхода, не зря же дорогая невестка всюду таскает за собой этих стариканов, несомненно, они в сговоре! Интересно, сколько именно она им заплатила?

– Итак, два голоса за Кристину, один против, – резюмировал Лео. – Кто продолжит?

– Я голосую за Леонардо Манрике, – пробурчал Максимино Флорес. – Сравняем счет.

– А вот я, пожалуй, поддержу молодую графиню, – откликнулся Алваро, не поднимая глаз от газеты. Лурдес и Лео одновременно с изумлением повернулись к нему – Алваро был эксцентричным типом и всегда отличался непредсказуемым поведением, но чтобы настолько!

– Но... – начал было Лео, – Алваро...

– У нас свободная страна, – быстро откликнулся Алваро. – Я голосую так, как считаю нужным. Никто не может мне

этого запретить, или может?

Лео раздраженно пожал плечами. Луис и Габриэль повернулись к донье Филомене – они потратили добрых два часа, чтобы склонить чашу весов в пользу Кристины. Но не ожидали того, что донья Лурдес потратила куда больше времени, к тому же была куда убедительнее, она использовала скрытые рычаги давления, о которых Луис и Габриэль не имели понятия.

– Голосую за сеньора Леонардо, – спокойно произнесла Филомена, продолжая накручивать свои волосы на палец.

– Итак, у нас ничья, три-три, – Леонардо снова усмехнулся, и хорошее расположение духа вернулось к нему. Кристина была опечалена и взволнована, ангелы-хранители заверяли ее, что голос Филомены у них в кармане, и вот – даже она проголосовала за Лео! Хотя, конечно, они не ожидали подарка в виде поддержки Алваро. Непонятно, что толкнуло его на такой шаг, не желание же быть эксцентричным во всем?

– Рей! – окликнула донья Лурдес сына, – Ты заснул? Остался твой голос, мы ждем тебя. Рей! Чем ты там занят!

– Что? – вздрогнув, Рейнальдо поднял глаза, оторвавшись от экрана телефона, и удивленно посмотрел на мать. – В чем дело? Я пишу важное сообщение.

– Знаю я твои сообщения, – пробормотала донья Лурдес. – Обращаю внимание, что мы все уже проголосовали. И теперь сидим и ждем тебя, ждем, когда твоя светлая персона

отвлечется от своего сообщения и соблаговолит уделить нам внимание...

– Ого! – на красивом лице Рея мелькнула усмешка, а потом он поправил волосы и откинулся на спинку кресла. – Так я последний? И, как я понимаю, у вас ничья? То есть, мой голос – решающий?

– Так уж вышло, – согласился Леонардо.

Повисло молчание, Рей постукивал пальцами по столу, явно наслаждаясь моментом, – сейчас в его власти было обрадовать или огорчить всех этих столь могущественных людей: Лео, Максимино Флореса, мать и молоденькую Кристину. Он взглянул в ее синие глаза, заметил легкое дрожание ее руки, было видно, что она не может справиться с волнением, так как она будет справляться с руководством компанией? Разве такое под силу молодой девушке? Сам бы он ни за что не согласился на подобную роль, во всяком случае, пока.

– Давай быстрее, жрать охота! – прикрикнул на него Флорес, – Долго будешь думать? Как будто, есть над чем!

– Правда, Рей, хватит ломать комедию, – не выдержала сеньора Лурдес. – Голосуй быстрее и по домам. У меня еще уйма дел.

– Разумеется, дорогая мама. Как человек, принадлежащий к семье Манрике и близко принимающий к сердцу все семейные дела, я считаю необходимым проголосовать руководствуясь именно сердцем, а заодно и доводами рассудка. Благо, на этот раз, их мнения совпали, что бывает нечасто.

По крайней мере, в моем случае. Почему-то все, чего жаждет мое сердце, обычно оказывается запретным плодом. Не знаю, так ли у вас или иначе...

– Нельзя ли ближе к делу, – перебил Алваро, – Лирические отступления – это моя стезя.

– Как скажешь, дядя Алваро, – Рей с притворным смирением кивнул, – Без отступлений, так без отступлений. Я голосую за прекрасную графиню. За Кристину Манрике де Алькасар. Таково мое решение.

– Что?! – при этих словах донья Лурдес сначала позеленела от злости, потом посерела, потом ее лицо покрылось пятнами, и она стремительно вскочила на ноги, опрокинув кресло. – Рей! Ты совсем спятил?! Ты идешь против семьи? Против матери?!

– Одумайтесь, маменька, – усмехнулся Рей. – Поверьте, я все делаю исключительно в ваших интересах. Как и в интересах семьи. Просто вы пока об этом не знаете.

Кристина изумленно подняла на него вспыхнувшие от радости глаза, улыбнулась, не веря своему счастью. Неужели, такое возможно! Они проголосовали за нее! Эти люди, уважаемые директора, выбрали ее! Ее, а не Лео!

– Поздравляю, Кристина, – дон Габриэль крепко сжал ее руку, а Луис по-отечески обнял за плечи. Донья Лурдес выбежала из зала, побледневший Лео, едва кивнув Кристине, вышел за ней. Флорес не считал нужным даже попрощаться – подхватил портфель и помчался обедать, донья Филомена,

напротив, вежливо поздравила Кристину с избранием и пожелала ей успехов.

– Пойдем-ка, амиго, покурим с тобой, – предложил Алваро Рею.

– С удовольствием, дядя. Кристина, поздравляю. Сеньоры, с вашего разрешения, – он поднялся и последовал к выходу следом за Алваро.

– Спасибо, спасибо, что поддержали меня! – крикнула Кристина им вслед, от растерянности она не знала, как себя следует вести. – Надеюсь, что смогу оправдать ваше доверие!

– Мое – уже оправдала, – усмехнулся Алваро, после чего они с Реем покинули зал заседаний.

Кристина долго стояла у окна, глядя на бегущие внизу крыши автомобилей, блестящие под дождем. С сегодняшнего дня для нее началась новая жизнь, жизнь в которой она больше не принадлежала себе. Отныне она должна посвятить себя служению, на которое направила ее воля покойного мужа. Что ж, не самое плохое служение. В конце концов, сколько людей доживают до преклонных лет не в силах найти свою истинную цель. Хотя бы этой проблемой меньше. А когда есть ориентир, по дороге идти легче, даже по самой тяжелой дороге.

Этой проблемы нет, зато появилось множество других. Например, нужно ли встречаться с инвесторами. Леонардо хочет этой встречи, как и Флорес, как и донья Лурдес, но хотел ли ее Антонио? Она погрузилась в свои мысли и не

заметила, как пролетел целый час.

А у подъезда, внизу, в зоне специально отведенной для курения, дон Алваро и Рей расслабленно дымили сигаретами, делая вид, что ничего не произошло. Как если бы не они только что решили судьбу огромного холдинга, в котором в разных странах мира трудилось около ста тысяч наемных сотрудников.

Рей запрокинул голову, чувствуя, как на лицо упали первые капли дождя, выпустил изо рта струйку дыма и скосил глаза в сторону непринужденно прислонившегося к стене Алваро.

– И что, дорогой дядюшка, заставило тебя поддержать прекрасную донью? – поинтересовался он со смешком.

– Будто и сам не знаешь, – ответил Алваро чуть погодя, закашлялся и посильнее завернулся в шерстяное легкое пальто цвета хаки.

– Понятия не имею, – Рей пожал плечами. – Тебе это подсказал дух Франклина во время спиритического сеанса?

– Ты ждешь от меня чего-то в таком роде? – Алваро усмехнулся. – Вовсе нет. Что ж, давай, карты на стол, проясним ситуацию. Потому что я тоже не понимаю, какой черт дернул тебя проголосовать за Кристину! Лично я скажу так: я эту даму не люблю. Она глупая рыжая выскочка, и семье она может причинить только ущерб, оно и понятно. Не знаю, о чем только думал Антонио, когда женился и особенно, когда завещал ей деньги.

– Вероятно, о Терранове, – язвительно засмеялся Рей, Алваро хохотнул, оценив его шутку.

– И то верно. Никогда не думал, что он такой идиот. А ведь я даже уважал его! Но продолжу: эту даму, как я уже сказал, не люблю. Но твою мать, мальчик, не люблю еще больше. Так что, да, я пошел на сделку с совестью, только для того, чтобы лишний раз позлить сеньору Лурдес, высокомерную, острую на язык стерву... постоянно оскорбляющую мои сценарии.

– Полегче, дядя! Речь о моей матери!

– В общем, – Алваро еще раз затянулся, – Я закончил. Это все. Против тебя и малышки Джайсы я ничего не имею, Рей. Ты неплохой парень, но твоя мамаша... Когда я увидел сегодня ее перекошенное от ярости лицо – воистину, это был лучший момент в моей жизни! Впрочем, ладно. Твоя очередь. Не удивлюсь, если и ты проголосовал ей назло!

– Да будет, дядюшка, – Рей выбросил сигарету в урну, теперь он казался серьезным, не улыбался, хотя смех продолжал прятаться в глубине его глаз. – Я не настолько эмоционален, чтобы руководствоваться чувствами, принимая серьезные бизнес-решения! Нет, я мыслил в высшей степени логично. Подумай сам. Передо мной два кандидата. Лео, пожилой, умный, отличный стратег, властный, почти тиран. Что лично мне даст его правление? Да он жалел мне подкинуть на карманные расходы, когда я был еще студентом! Правда, я тогда много проигрывал. Ну, да неважно. Итак, с одной

стороны – Лео. С другой – молоденькая, невероятно хоро-
шенькая вдовушка. Которая ничего не смыслит в корпораци-
ях, но мечтает покорить мир, тщеславная. Которая настоль-
ко мало знает о мужчинах, что смогла влюбиться в преста-
релого дядю Антонио. Понимаешь меня? Я всегда нравился
девушкам, кто только не пытался женить меня на себе. Но
глядя на донью Кристину, которая думает, что она прибра-
ла мое состояние, я вдруг подумал, что такая жена мне бы
подошла. Год траура пройдет – не успеешь оглянуться. Кри-
стина дружна с Джайсой, сестра замолвит за меня словечко.
Так что нет, мое состояние так просто не уведешь, Рейнальдо
Альварес знает свое дело. Вот и вся история о голосовании,
дядя. Как только Кристина станет моей женой, наши деньги
снова вернутся в семью. А добиться этого легче, поддержав
ее, не так ли?

– Не знал, что ты так расчетлив, – скупо бросил Алваро,
задумавшись. – Мне жаль бедную девушку.

– Брось! Я не более расчетлив, чем она! Ее хорошо обучи-
ли в математическом классе, смогла посчитать, что принять
предложение графа Манрике выгоднее, чем отказаться!

– Ну, для этого, мне кажется, глубокие знания математи-
ки не нужны. Я вот – чистый гуманитарий, но тоже сообра-
зил бы, – хмыкнул Алваро. – Ладно, идем, герой-любовник,
тут становится прохладно. Знаешь, друг мой, в чем разли-
ца между мудрой старостью и наивной юностью? Не знаешь?
В том, что вот идем мы сейчас рядом. Ты думаешь, старый

дурак этот Алваро, проголосовал только для того, чтобы досадить кому-то! То ли дело я, я умен! Заключил выгодную сделку, сделал отличное вложение! И невдомек тебе, что у этой монеты есть и другая сторона. А она в том, мой друг, что сеньор Алваро свое удовлетворение уже получил, незамедлительно, не откладывая. А вот получишь ли ты – это еще вопрос! Будущее непостоянно, Рейнальдо. Только это я и хотел тебе сказать.

Вместе они пошли на парковку, туда, где ожидали их автомобили. Остальные директора уже разъехались, и только Флорес все еще дожевывал свой обед в ресторане на последнем этаже башни и размышлял, как можно повернуть победу Кристины себе на пользу. Единственное, что ему приходило в голову – лишить девушку состояния, прибрав его к рукам. Но как это сделать? Вот вопрос, над которым стоит поломать голову!

Через несколько дней Кристина все-таки встретилась с инвесторами. На встрече присутствовал Леонардо, ее официальный заместитель, Филомена, а также Луис, которого она назначила своим советником. Инвесторами оказались японские бизнесмены, они подолгу молчали, прежде чем произнести каждую фразу, чем ввергали в серьезнейшее замешательство своих темпераментных испанских собеседников.

Кристина тоже все время молчала и слушала: японцы предлагали заключить контракт на поставку высокотехноло-

гичных комплекствующих, которые могли бы быть использованы на химических предприятиях холдинга «Манрике норте», Филомена пыталась сбить цену, Леонардо кивал и пытался лоббировать сделку, а дон Луис постоянно спорил, хотя предмета для спора вроде и не было, очевидно, его просто раздражала странная манера общения будущих партнеров.

Кристина продолжала молчать и слушать. Она пыталась понять, позволит ли заключенный контракт сделать шаг в сторону выбранной цели или же, наоборот, отбросит далеко назад, заставит последовать ложным путем, уведет в сторону от мечты. Встреча затягивалась, Луис и Леонардо продолжали яростно спорить, и в какой-то момент девушка вдруг поняла, что теряет нить разговора. Мысли стали уплывать, голоса присутствующих куда-то исчезли, она перестала понимать, что происходит и упустила тему обсуждения. Вместо того, чтобы слушать их, продолжая взвешивать варианты, Кристина взглянула в окно и ее взгляд устремился вдаль, туда, где сливалась синева моря с синевой южного неба, по которому величественно плыли белые перья облаков. А по поверхности моря шел корабль. Длинное контейнерное судно, серое, уже разгруженное, оно направлялось в новое плавание: проскользнуло вдоль горизонта – и скрылось вдали.

– Прошу тебя еще об одном деле, тоже невозможном. Избавь от проклятия дона Августина, – вспомнились ей слова мужа.

– Кристина! Кристина! – услышала она, стремительно

обернулась к окликнувшему ее Леонардо и поняла, что встреча подошла к концу, японцы поднялись, прощаясь. Она тут же вскочила, поблагодарила, кивнула.

А когда они удалились и остались лишь представители холдинга, Леонардо спросил:

– Ну, что скажете, сеньора Председатель? Мы готовы подписать контракт и последовать в мир высоких технологий? Дело представляется выгодным и перспективным. По крайней мере, так кажется после обсуждений. Так, Филомена?

Та лишь молча кивнула.

– Да и Антонио хотел с ними встретиться, сама помнишь, прежде чем... все случилось, – продолжил Лео. – Стоит показать контракт юристам и взять паузу, но для меня – вопрос решенный.

Кристина помедлила лишь секунду, а потом решительно покачала головой.

– Нет. Мы пойдем в судоходство, – твердо ответила она.

Лео хохотнул, дон Луис растерянно покачал головой, а Филомена демонстративно закатила глаза.

– Кристина, ты разве не знаешь, что семье Манрике не везет в море? – миролюбиво спросил Леонардо, он даже не разозлился, настолько нелепой показалась ему идея невестки.

– Только что я поняла – лечи подобное подобным, – бесстрастно произнесла девушка. – Мы пойдем в судоходство.

Воцарилось молчание, никто не проронил ни слова.

Через несколько дней Кристина подписала приказ о создании судоходной компании. Подписывая его она, сама не зная почему, вывела ручкой на бумаге «Кристина Алькасар», забыв про «Манрике» и про остальные свои имена и титулы. В дальнейшем именно так она подписывала все документы, которые ей довелось подписать.

Однако в памяти людей и в истории своей страны, а также нескольких других стран, этой девушке было суждено остаться под другим именем, под которым она была известна всем тем, кто говорил о ней, слышал, когда-либо упоминал ее в беседах, кто сочинял про нее истории, песни, шутки, тем, кто рассказывал о безумном замысле – о Терранове, новой земле, непохожей на все другие.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЖЕЛЕЗНАЯ КРИС

Глава 1. Затонувший корабль

Один из кораблей недавно созданной судоходной компании «Калина Интернешнл» затонул в Мексиканском заливе. Двое из членов экипажа пропали без вести. Об этом без умолку кричали все новостные каналы Европы, а в Испании журналисты снова вспомнили уже позабытую было легенду о Проклятом капитане.

– Боже мой, ну причем тут проклятье, вы же взрослые люди, в конце концов, – протискиваясь сквозь толпу журналистов, Кристина торопливо вытерла взмокший лоб. На улице было уже прохладно, но находиться в толпе невыносимо: душно, жарко и шумно. – Вы же знаете, ураган «Вилма» принес разрушения на острова Центральной Америки, половина Мексиканского залива разрушена! Наш корабль оказался в эпицентре сильнейшего шторма, нам просто не повезло! Руководство компании скорбит о погибших членах команды, их семьям будет выплачена крупная компенсация...

Повторяя заученный текст снова и снова, как заезженная пластинка, Кристина, наконец, пробилась к спасительному

автомобилю, распахнула дверь, прыгнула на сиденье и тут же захлопнула ее за собой. Сидевший рядом Рей сделал знак водителю трогаться.

– Устала? – заботливо спросил он, повернувшись к ней. В его взгляде читались теплота и нежность.

Кристина кивнула.

– Они совершенно невыносимы. Мало того эта история с кораблем, так еще и внимание желтой прессы! – она вздохнула. – Не дают нормально работать.

– Ты дрожишь? – он подвинулся ближе и обнял ее за плечи. – Не нужно принимать все так близко к сердцу!

– А как я могу, мой корабль утонул, погибли люди, меня преследуют журналисты, директора компании меня ненавидят... Ничего не получается, все разваливается, все утекает из рук, как пески времени! – Кристина почувствовала, что у нее на глазах выступили слезы. – За что мне все это... Почему я не могу жить, как нормальный человек...

– Ты же сама выбрала свою судьбу, – напомнил он.

– Да, это точно, – Кристина торопливо вытерла слезы. – Ты прав. Спасибо, что вы с Джайсой поддерживаете меня. Вы очень добры.

– Ты знаешь, как ты важна для меня, – он ласково улыбнулся и осторожно заглянул ей в глаза. Кристина ответила улыбкой, но за этой улыбкой не было ничего, кроме симпатии и благодарности. Еще не время атаковать, если не хочешь упустить богатую добычу, понял Рей, она не оправив-

лась от тоски по мужу, к тому же траур еще не окончен. Со дня смерти Антонио прошло всего полгода... Пока он может быть ей просто хорошим другом, ее доверие нужно заслужить. Но она слаба и напугана, ей нужен союзник, нужна поддержка. Да и спутник, мужчина, тоже нужен. Не станет же она все время жить одна. Значит, следует лишь немного подождать: как только Кристина будет готова, можно начинать действовать. А пока он всегда будет рядом, поддержит в трудную минуту, главное не подпускать к ней других мужчин, не оставлять ее одну!

Кристина не знала о его мыслях, она задумчиво смотрела в окно, на пробегающие мимо сияющие вывески магазинов, на летящие навстречу автомобили, смотрела и не видела. Она думала лишь о том, как не утонуть в этом бушующем море жизни, если она утонет, кто выполнит волю Антонио? Кто станет служить его невыполнимой мечте?

– Ты веришь в это сама? – голос Рея прервал ее мысли.

– Во что?

– В проклятье Августина Манрике. Из-за него затонул корабль?

– Не знаю, – тихо ответила Кристина. – Возможно, это просто совпадение. Корабли тонут, такое случается... Я боюсь думать об этом. Не понимаю, туда ли мы идем, верная ли это дорога... И нет никого, кто мог бы подсказать, посоветовать... А что думаешь ты?

– Я не верю в глупые легенды, – он улыбнулся. – Я верю

в людскую лень. Кто-то плохо осмотрел корабль, вероятно, были какие-то неисправности, которые не позволили пережить шторм.

– И в Терранову ты тоже не веришь?

– Посмотрим, – Рей пожал плечами. – Пока мы не продвинулись ни на шаг, но кто знает, что из этого выйдет! Остановите здесь, пожалуйста.

Водитель остановил автомобиль у дверей небольшого уютного ресторанчика, где их ждали Джайса и Франси, они собирались поужинать вместе в «L'Isidre».

Рей помог Кристине выйти из машины и, бережно придерживая девушку за локоть, направился к ступенькам.

– Я хотела попросить тебя кое о чем, – вдруг сказала Кристина.

– Для тебя, дорогая Крис, все, что угодно!

– Пойдешь со мной на игру? – она подняла на него глаза. – После смерти Антонио я ни разу не входила в игровой зал, мне страшно появиться там одной...

Лицо Рея вдруг стало строже, улыбка сползла с него, а через некоторое время снова появилась. Он вытащил из кармана пачку сигарет, закурил, а потом согласно кивнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.